

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

У древнеегипетского
фараона Эхнатона был
магический жезл, который
помог ему справиться
с могущественной кастой
жрецов...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Жезл Эхнатона

Наталья Николаевна Александрова
Жезл Эхнатона
Серия «Артефакт & Детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841688

Жезл Эхнатона: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-171232-7

Аннотация

Древнеегипетский фараон Эхнатон решил пошатнуть могущественную касту жрецов, уменьшить их власть и влияние, в этом деле ему помог магический жезл... У Аманды было тяжелое детство, и только встреча с известным ученым Михаилом Филаретовичем, который помогал ей и опекал девочку, изменила ее жизнь. Филаретович устроил ее на работу в Музей древнеегипетских древностей. Внезапно он умер, и Аманда решила узнать настоящую причину смерти ученого. Перед кончиной он звонил по телефону и услышал что-то, отчего у него остановилось сердце...

Наталья Александрова

Жезл Эхнатона

© Александрова Н.Н., 2022

© ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

– Ты чего это? Ты что это тут лежишь? Ты это почему?
Кто тебя уполномочил?

Я с трудом разлепила глаза и увидела над собой круглое, растерянное, озабоченное лицо. Лицо это медленно плыло по кругу, тихонько поскрипывая, как будто я кружусь на детской заржавленной карусели.

Лицо это было мне смутно знакомо...

Я попыталась вспомнить, откуда я его – это лицо – знаю, и вообще, где я нахожусь, но от этой попытки карусель закружилась еще быстрее, а в голове вспыхнула боль.

– Воды... – пролепетала я из последних сил.

Почему-то мне показалось, что вода – это именно то, что мне сейчас нужно.

Круглое лицо исчезло, а потом перед моими губами появился стакан с водой.

Я потянулась к стакану, сделала неуверенный глоток.

Половина воды выплеснулась на меня, но что-то я все же

выпила, и, как ни странно, от этого мне стало немного легче.

Карусель замедлила свое движение, а потом и вообще остановилась.

Я осознала, что лежу на темном паркетном полу в чужой квартире... хотя квартира эта была мне знакома...

Пазл в моей голове начал понемногу складываться.

Я пришла в квартиру Михаила Филаретовича, чтобы поискать материалы к его последней статье... меня послал сюда новый директор, Азадовский...

Но как я оказалась на полу?

Надо мной снова склонилось то же озабоченное круглое лицо. На этот раз я узнала эту женщину – это была Надежда Степановна, домработница Михаила Филаретовича.

– Девонька, ты как сюда попала?

Действительно, как?

Память моя постепенно возвращалась.

Я вспомнила, что подошла к двери квартиры, хотела позвонить – но тут увидела, что дверь открыта.

Я вошла в квартиру и громко проговорила:

– Надежда Степановна, это я, Анна! У вас дверь не закрыта, так я и вошла!

Мне никто не ответил, но из глубины квартиры доносились какие-то странные звуки. Наверное, домработница наводит порядок... хотя какой теперь в этом смысл?

Я пошла на этот звук, миновала прихожую и коридор, толкнула дверь кабинета...

И тут в голове у меня что-то взорвалось, и я провалилась в вязкую темноту...

Хотя темнота эта была не полная – она клубилась багровым клокочущим туманом, сквозь который проступали странные, фантастические фигуры – там был человек с головой шакала, и другой – с головой сокола, и женщина с головой львицы... все эти странные существа окружили меня, и обматывали мое тело каким-то широким бинтом, и при этом пели на непонятном языке...

А потом я очнулась от голоса Надежды Степановны.

Я провела рукой по лицу и села.

Голова уже не так кружилась, и я смогла оглядеться.

Я и правда сидела на полу в кабинете Михаила Филаретовича, рядом со мной стояла его домработница, лицо ее было озабоченным.

– Да что же с тобой случилось? – повторила она. – Я пришла, а дверь-то открыта, смотрю – а ты на полу лежишь...

– Сама не знаю... – пролепетала я плохо слушающимся языком. – Вдруг голова закружилась – и хлоп...

Отчего-то мне не хотелось рассказывать, как все было на самом деле. Да и знала ли я это?

Вдруг на лице женщины вспыхнула догадка.

– Так ты, наверное, беременная?

– Вот уж точно нет! – отмахнулась я.

– Ну, тогда я и не знаю... ты встать-то можешь?

Я уперлась в пол и встала.

Комната немного покачалась, и наконец все встало на свои места.

И в голове у меня тоже восстановился порядок, я вспомнила всю последовательность событий, в результате которых я оказалась на полу в этой комнате.

* * *

Началось все с того, что Михаил Филаретович не пришел на работу. Казалось бы, что такого? Может быть, заболел или просто проспал... со всяким может случиться.

Со всяким, но только не с ним, не с Михаилом Филаретовичем. За пятнадцать лет, что он проработал в музее, сначала научным сотрудником, а потом директором, он не пропустил ни одного дня. И не опоздал ни разу.

Понятно, что я это знаю с чужих слов, но та же Роза Витальевна, Секретарь (именно так – с большой буквы, и уж ни в коем случае не *секретарша*), клянется, что никогда такого не было. Поэтому она сразу забеспокоилась.

А тут еще срочно понадобилась подпись директора на каком-то документе, и Азадовский велел Розе позвонить Михаилу Филаретовичу.

Мобильным наш директор не пользовался, и Роза Витальевна позвонила ему домой.

И ей ответила рыдающая домработница, эта самая Надежда Степановна. И сквозь рыдания удалось разобрать, что она,

придя в квартиру, нашла Михаила Филаретовича бездыханным, на полу в собственном кабинете. Вызвала «Скорую», но врач только констатировал смерть.

И тут Азадовский, заместитель директора, который прежде занимался только хозяйственными и финансовыми вопросами, в одну секунду расцвел махровым цветом.

Первым делом он подписал тот самый документ, где требовалась подпись директора (у него, оказывается, тоже было право подписи), затем перебрался в кабинет Михаила Филаретовича и стал отвечать по его телефону. А потом взялся за организацию похорон.

Ну, с ним никто особенно и не спорил – во-первых, он же как-никак заместитель покойного. А во-вторых, все остальные, в частности та же Роза Витальевна, так расстроились, что не в состоянии были заниматься таким сложным и ответственным делом, как похороны.

А Азадовский – хоть бы что.

Он мгновенно все организовал, все устроил, позвонил, куда надо...

И тут выяснилось, что у нас в музее нет ни одной фотографии покойного директора. То есть ни одной достаточно приличной, чтобы выставить в холле, перед входом. И Азадовский тут же отправил меня к нему домой за этой самой фотографией.

Почему меня?

А кого же еще? Я ведь в его глазах была девочкой на по-

бегушках!

Да я, в принципе, и не спорила. С Азадовским спорить – себе дороже. И съездить последний раз к Михаилу Филаретовичу мне было совсем не трудно.

Это я тогда думала, что последний...

Короче, я приехала в его квартиру, застала там заплаканную домработницу. Надежда Степановна не знала, где найти фотографию, отправила меня в кабинет и велела искать самой.

– Я сюда и заходить больше не хочу! – всхлипывала она. – Я ведь здесь его нашла... вот тут, возле стола... с трубкой телефонной в руке...

– С трубкой? – переспросила я машинально.

– Ну да, видно, разговаривал с кем-то – тут-то смерть за ним и пришла... Или плохо себя почувствовал, хотел «Скорую» вызвать, да не успел... – Домработница бурно разрыдалась и выбежала из кабинета.

Я проводила ее неодобрительным взглядом.

Не подумайте, что я сама не расстроилась из-за смерти Михаила Филаретовича. Может, я еще больше расстроилась, чем все остальные, потому что... да неважно почему. Просто я не люблю демонстрировать на людях свои эмоции. Откровенно говоря, их у меня и нет почти. Такая уж я от природы...

Оставшись одна, я принялась за поиски фотографий. Ну, для начала я перерыла все ящики стола, но ничего не нашла.

В общем, я подозревала, что это будет непросто – Михаил Филаретович был человек скромный и фотографироваться не любил.

Да еще меня все время преследовали слова Надежды Степановны: «Здесь я его и нашла, с телефонной трубкой в руке», – так что я все время косилась на то место, мне все время казалось, что там все еще лежит Филаретыч...

Наконец я все же нашла пару подходящих фотографий и хотела уже уйти, но снова вспомнила слова Надежды Степановны:

«Видно, разговаривал с кем-то, когда смерть за ним пришла...»

С кем же он разговаривал? И не был ли этот разговор причиной смерти?

Я взглянула на телефон, который стоял на столе.

Телефон был хотя и старый, но довольно навороченный, с памятью и автоответчиком. И что-то меня словно подтолкнуло – я сняла крышку и вытащила из аппарата карту памяти. И только после этого отправилась обратно на работу.

Азадовский на меня наорал – мол, что так долго, тебя только за смертью посылать...

Очень это у него уместно получилось, насчет смерти!

Я, конечно, не выдержала и ответила ему достойно. Мол, ищите другую дуру, которая за такие гроши будет выполнять все ваши поручения и еще лебезить перед вами.

Он от удивления потерял дар речи.

Но потом... думаете, он меня уволил или наорал?

Он и слова не сказал!

Вот так и надо всегда – давать отпор хамам! Не подумайте, что я почувствовала удовлетворение, мне на него плевать.

Тогда я развернулась и ушла. И дверью даже не хлопнула – все же директор умер, нужно потише себя вести.

В музее царили, по выражению того же Михаила Филаретовича, разброд и шатание, сотрудники как потерянные бродили между экспонатами, собирались по двое-трое и перешептывались, боязливо оглядываясь на кабинет директора. Для посетителей музей был закрыт.

На следующий день были назначены похороны. Народу пришло много – Михаила Филаретовича в городе знали. В основном коллеги, бывшие соученики, чиновники от культуры – ну, эти по обязанности.

Было много речей, играла траурная музыка – в общем, ничего интересного. Противно только было наблюдать, как Азадовский юлил перед городским начальством: наклонялся, заглядывал им в глаза, угодливо улыбался, только что хвостом не вилял. Впрочем, может, и вилял, под одеждой не видно.

Потом в музее был выходной, но новый директор, назначенный официально, распорядился, чтобы сотрудники явились на работу. Дескать, нечего расслабляться, и так сколько времени зря потратили. Так и сказал – зря. Это когда мы все на похороны пошли.

Я не удержалась тогда и громко фыркнула. Азадовский посмотрел на меня... я сказала бы, что волком, но куда ему до волка, он больше на шакала смахивает. Такой противный шакал Табаки из мультфильма: «А мы пойдём на север!»

Остальные сотрудники промолчали, так что инцидент был исчерпан. А я поняла, что недолго мне в музее работать. Азадовский – очень злопамятная сволочь. Да и ладно, раз Филаретыча больше нет, то и мне тут делать нечего.

Однако когда Азадовскому следующий раз понадобилось кого-то послать в квартиру покойного директора, он снова отправил меня.

И вот чем это кончилось.

Я приехала, вошла в подъезд, увидела открытую дверь квартиры... ну, остальное я уже рассказывала.

* * *

– Ты точно не беременная? – недоверчиво повторила Надежда Степановна.

– Да ничего подобного! – огрызнулась я.

– А чего ж тогда упала? Молодая, здоровая... – Она так посмотрела на меня, как будто молодость и здоровье стоят на первом месте в списке смертных грехов. – И вообще, как ты в квартиру-то попала?

– Дверь была открыта.

– Да что ты несешь? Я только и вышла, ведро мусорное

вынести, и дверь непременно закрыла!

– Говорю вам – открыто было! Иначе как я сюда могла попасть? Ключей у меня нет!

– Вот уж не знаю! – Надежда Степановна поджала губы. – И перерыла тут все! Я порядок навела, прибралась тут, а ты все выворотила! Совесть надо иметь? Я хотела после себя все в порядке оставить, а теперь ужас что творится...

Она продолжала что-то недовольно бухтеть, а я огляделась.

И правда, в кабинете все было перевернуто вверх дном, ящики из письменного стола выдернуты, их содержимое разбросано по полу. А ведь прошлый раз, когда я приходила за фотографией, здесь был полный порядок... Домработница, хоть и ворчлива не в меру, но дело свое знает, квартира вылизана была. Ни пылинки.

– Совсем вы, молодые, чужой труд не уважаете! – возмущенно припечатала Надежда Степановна.

– Да говорю же вам – я ничего тут не трогала! Я только вошла в кабинет, тут же и отключилась!

– Кто ж тогда тут накуролесил? – процедила домработница недоверчиво. – И вообще, зачем ты пришла?

– Начальник прислал за статьей, – отмахнулась я, и сама себе удивилась – что это я перед ней оправдываюсь?

Хотя сказала ей я чистую правду – Азадовский на этот раз отправил меня сюда за текстом статьи, которую Михаил Филаретович готовил в последнее время. Статья была по-

священа фараону Эхнатону и предназначалась для каталога выставки, которая вскоре должна была открыться в нашем музее.

– Ну так бери свою статью да отправляйся, а я снова тут буду порядок наводить! Приберу, да сдам ключи управляющему под расписку, тогда уж сами тут разбирайтесь! – Она фыркнула и вышла в коридор, напоследок хлопнув дверью.

Я перевела дыхание и прислушалась к себе.

Чувствовала я себя более-менее нормально, только немного болел затылок. Я пощупала то место, где притаилась боль, и нащупала там под волосами здоровенную, растущую на глазах шишку и еще ссадину, которая немного кровила.

Ударилась об пол, когда упала?

Непохоже... на полу ковер, и такой ссадины не могло получиться при падении.

Тогда что же это выходит?

Выходит, меня кто-то приложил по голове?

Но кто?

Надежда Степановна говорит, что уходила вынести мусор и дверь заперла. Вообще-то я ей верю, это же надо совсем умом тронуться, чтобы квартиру открытой оставить хоть на пять минут. Она – тетка аккуратная, ответственная.

Выходит, в квартире был кто-то другой... этот кто-то хозйничал в кабинете Михаила Филаретовича, что-то искал, и когда я вошла – ударил меня по голове и сбежал...

Бред какой-то!

Хотя... все возможно. И вот, если бы я не пришла, то он бы Надежду по башке тюкнул. Так она не ворчать должна, а мне благодарность объявить. Но фиг дожدهшься.

Может, сюда залез какой-то вор-домушник, искал в кабинете деньги и ценности, а я оказалась не в то время и не в том месте...

Тут я заметила валявшийся на полу телефон. Сам аппарат не разбился, но задняя стенка была снята. Я сама так сделала в прошлый свой приход, чтобы вытащить из телефона карту памяти.

Это интересно. Следует хорошенько над этим подумать.

Но это потом, а пока мне нужно найти статью, за которой меня послал Азадовский, и возвращаться на работу, в музей.

Я собрала бумаги, разбросанные на полу, разложила их на столе, и среди них скоро нашла ту самую статью, над которой перед смертью работал Михаил Филаретович. Статья называлась «Зачатки монотеизма в реформах фараона Эхнатона».

Я собрала все листочки, сложила в сумку и вышла в коридор.

Из соседней комнаты доносился шум пылесоса.

– Надежда Степановна, я ухожу! Закройте за мной!

Пылесос замолк, домработница вышла в коридор.

– Ну, я все нашла...

– Ну и ладно. Я сейчас здесь порядок наведу и сдам ключи.

Дальше вы сами с управляющим разбирайтесь, как хотите,

так и делайте! Меня это больше не касается. Закончилась моя служба здесь... – Голос ее дрогнул.

Я вышла из квартиры, спустилась по лестнице.

Подъезд, где жил Филаретыч, выходил во двор.

Типичный питерский двор-колодец, куда солнце заглядывает в лучшем случае на полчаса. Из этого двора проходная арка выходит на набережную канала Грибоедова. Туда я и пошла.

Но как только я вошла в темную арку, вдруг впереди зазвучало какое-то заунывное пение, и в арке стало еще темнее, потому что выход из нее загородила какая-то странная фигура.

Это был человек с собачьей головой...

Меня охватил озноб.

Я вспомнила видение, которое промелькнуло перед моим внутренним взором в момент беспамятства.

Тогда мне тоже привиделись фигуры с головами животных – сокола, львицы, шакала... они, эти странные существа, обматывали меня широким бинтом и пели какой-то заунывный хорал...

И вот сейчас, наяву, под звуки такого же унылого, потустороннего хорала ко мне приближался человек с головой собаки или, может быть, шакала...

Первым моим побуждением было броситься наутек, как можно скорее и дальше, но ноги меня не слушались. Я задрожала и прижалась спиной к стене, чтобы не упасть. А он,

этот страшный человек (и человек ли?), неотвратимо приближался ко мне...

Все ближе и ближе...

Нас разделяло всего несколько шагов.

Ужас сковал меня.

А потустороннее существо приблизилось, поравнялось со мной под звуки потустороннего песнопения...

И тут, когда я была уже на грани беспамятства, в темноту арки проник какой-то случайный луч света, и упал на это фантастическое создание.

И я с изумлением поняла, что это – не призрак, не загробное видение, не египетский бог Анубис, а обычный человек, мужчина лет сорока, который несет на руках собаку... собственно, даже не взрослую собаку, а большого щенка, скорее всего, маламута.

И тут же я узнала музыку – это было не какое-то потустороннее пение, а запись немецкой группы Enigma, созданная на основе григорианских хоралов. Видимо, хозяин собаки слушал эту музыку на плеере, только почему-то не через наушники, а через динамик. И заунывное средневековое пение наполнило до краев гулкое пространство питерской подворотни.

– Девушка, что с вами? – проговорил мужчина озабоченно. – Вам плохо?

– Нет... я... я просто испугалась... – пролепетала я, кивнув на его пса.

– Что? – переспросил он удивленно. – Вы испугались Рея? Да он совсем безобидный, и он вообще еще щенок... я его к ветеринару возил, а обратно, видите, пришлось от машины на руках нести, он еще не отошел от наркоза... Или вы вообще собак боитесь? – догадался он.

– Да никого я не боюсь! – Я рассердилась на саму себя за то, как глупо себя веду, и, как водится, перенесла эту обиду на постороннего, ни в чем не повинного человека.

– Ну, смотрите... – проговорил он недоуменно.

А я опустила голову и решительно зашагала вперед.

При этом я думала о нескольких неприятных вещах.

Во-первых, что со мной происходит? Чего я вдруг так испугалась? Я никогда не была трусихой! Подумаешь, человек нес на руках собаку! Вот если бы собака несла человека – это было бы удивительно... шучу.

Второе, и гораздо более серьезное – кто ударил меня по голове? И кто, соответственно, хозяйничал перед моим приходом в кабинете Михаила Филаретовича? И что этот кто-то там искал?

Вот не верила я, что это простой домушник! Тем более, что снятая задняя стенка телефона говорила кое о чем. То есть этот тип искал карту памяти телефона? Или случайно уронил его на пол...

Тут я вспомнила рассказ домработницы, что Михаил Филаретович умер с трубкой в руках. И тетка растерялась и не посмотрела, куда же он звонил. Или ему звонили. И во время

этого разговора он, и... жалко все-таки старика, уж от него-то я точно не видела ничего, кроме хорошего.

* * *

С такими мыслями я очень скоро вернулась в музей.

Надо, наконец, сказать о нем два слова.

Музей, где я работаю, необычный. В нем нет ни картин, ни фарфора, ни игрушек. Он возник в начале девяностых годов, когда закрыли знаменитый Музей религии и атеизма, находившийся в Казанском соборе. Сам собор передали церкви, а экспонаты музея разделили между несколькими новыми экспозициями. В том числе все предметы, имевшие отношение к Древнему Египту и вообще всему восточному, перевезли в особняк барона Райснера и создали там Музей древних религий Востока. Возглавил новый музей известный египтолог Михаил Филаретович Вишневецкий, или Филаретыч, как называли его близкие друзья. К коим и я себя причисляю.

Я вошла в холл музея, кивнула двум египетским статуям, которые стояли по бокам лестницы вместо вахтеров, прошла мимо гранитного саркофага, поднялась на второй этаж и вошла в приемную перед директорским кабинетом.

Там я застала Розу Витальевну.

Роза сидела на своем неизменном месте, но глаза у нее были красные и нос тоже. Ясно было, что она только что плакала.

– Что случилось? – спросила я удивленно.

Роза Витальевна – не тот человек, чтобы плакать без повода. Да я ее вообще никогда не видела плачущей, кроме того дня, когда умер Михаил Филаретович.

Она подняла на меня глаза и махнула рукой:

– И не спрашивай!

Но тем не менее тут же продолжила:

– Это Азадовский... он с цепи сорвался! Закусил удила! Пошел вразнос! Мало того что занял кабинет Михаила Филаретовича, не дождавшись, пока его труп остынет, так он теперь хочет все здесь изменить! Он... он... меня... хочет уволить! Меня! – И она снова зарыдала.

Да, это действительно серьезно... Роза Витальевна работает в Музее с самого его основания, как и Михаил Филаретович. Уволить ее – это... это все равно что убрать из холла гранитных привратников!

Но у меня были свои собственные проблемы.

Я сочувственно покачала головой и вошла в кабинет директора.

* * *

Азадовский поднял на меня тусклый оловянный взгляд и процедил своим противным гнусавым голосом:

– Карасева, где ты пропадала?

– Там, куда вы меня посылали, – отрезала я холодно, – ез-

дила за статьей Михаила Филаретовича. И с какого перепугу вы ко мне обращаетесь на «ты»? Мы вроде не родственники.

Он позеленел, со свистом выпустил воздух сквозь сжатые зубы и протянул руку:

– Давай... те статью!

Я протянула ему стопку листов. Он пробежал глазами первую страницу и снова поднял на меня глаза:

– Что ты... что вы мне принесли, Карасева?

– Что нашла, то и принесла! Это та самая статья, о которой вы говорили...

– Это – статья? – выдохнул он. – Это безобразие! Сплошные ошибки! В таком виде это нельзя печатать! Подумать только – «Ортефакт»! Вопиющая безграмотность! А здесь вообще – вместо прошлого «прожлое»... это просто уму непостижимо!

Я взглянула на распечатку. И правда, она пестрела ошибками. Странно, Михаил Филаретович был человек очень образованный.

Мне стало за него обидно, и я фыркнула:

– Я-то тут при чем?

– Ты... вы всегда ни при чем! Вот, возьми... те эту статью и перепечатай... те без ошибок!

– Почему я?

– Ты... вы здесь работаете, между прочим, деньги получаете! И не пособие по безработице, а заработную плату! Заработную, значит, ее нужно отрабатывать!

– Или это деньги? – фыркнула я.

Азадовский сделал вид, что не расслышал последнюю реплику. Он сунул статью мне в руки и кивнул на дверь:

– Все, свободны!

Я только было шагнула к двери, но он тут же передумал и остановил меня:

– Постой...те. Еще одно. Напишите конспект экскурсии по экспозиции музея.

– Что? – Я уставилась на него в удивлении.

Я действительно время от времени вожу экскурсии по нашему музею, рассказываю немногочисленным посетителям о его экспонатах. Но никакого конспекта я не составляла, мне это ни к чему. Я все прекрасно помню и могу рассказывать об этих экспонатах с закрытыми глазами. Что еще за новости? Нет, пора увольняться!

– Мне никакого конспекта не нужно. Я без него прекрасно обхожусь.

– *Вам* действительно не нужно, потому что *вы* больше не будете проводить экскурсии. *Вы* для этого совершенно не подходите. У *вас* нет для этого соответствующей компетенции.

– Что? – Я уставилась на Азадовского, как на огромного, отвратительного таракана.

Почему-то меня больше всего возмутило это слово – компетенция... где он его откопал? Нет, точно нужно увольняться! Вот только найду другое место, и больше он меня не уви-

дит...

– Почему-то до сих пор мне всего хватало! – проговорила я возмущенно.

– Раньше, может быть, и хватало, но теперь все изменится! Я все здесь реформирую! Мы должны идти в ногу со временем!

– И кто же теперь будет проводить экскурсии... в ногу со временем?

– Вот, познакомьтесь – Алиса... Дмитриевна, – и он кивнул в сторону.

И только сейчас я заметила, что кроме меня и Азадовского в кабинете присутствовала еще одна личность – девица со светлыми отутюженными волосами и круглыми голубыми глазами, похожими на две пластмассовые пуговицы. На девице были черные слаксы, обтягивающие довольно внушительный, я бы сказала, зад и накидка из белого искусственного меха, то есть просто мешок с дырками для головы и рук.

– Вот это вот? – фыркнула я.

– Алиса... Дмитриевна – дипломированный специалист по связям с общественностью! – высокопарно произнес Азадовский. – Она поднимет уровень нашего музея на новую высоту! Вдохнет в него современные тенденции!

– Я себе представляю... – проворчала я себе под нос. – Если это все... – Я повернулась и пошла к двери.

– Я вас еще не отпустил!

Но я не стала дальше слушать и пошла прочь, пока от зло-

сти чего-нибудь не разбила или не наговорила лишнего.

Я пролетела через музей, не оглядываясь по сторонам, и перевела дыхание, только когда пришла на свое рабочее место.

Это был, конечно, не кабинет, а большая захламленная комната, разделенная несколькими шкафами на отдельные закутки, каждый из которых занимал кто-то из сотрудников. В одном из закутков сейчас сидела Роза Витальевна и вполголоса жаловалась на жизнь нашей старейшей сотруднице Варваре Тихоновне, тихой безотказной старушке, работавшей еще в Казанском соборе.

Я зашла в свой закуток, бросила злополучную статью на стол и села.

После разговора с Азадовским меня просто колотило. Я сама себе удивлялась – что это меня так разобрало? На самом деле мне на все эти дела глубоко наплевать... неужели меня так возмутило, что Азадовский нашел какую-то куклу на мое место?

Да пошли они все лесом!

Я сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и наконец взяла статью – работа всегда успокаивает.

Статья была посвящена периоду фараона-реформатора Эхнатона. И действительно, буквально пестрела ошибками.

Очень странно...

Я встала, подошла к Розе Витальевне, показала ей статью: – У вас в компьютере нет такого файла?

Она вытерла глаза, взглянула на листки и сразу ответила:
– Нет, я бы вспомнила. Наверное, Михаил Филаретович печатал ее дома. Странно, как много ошибок...

Да, вот и мне это показалось странным...

Так, жаль... раз у Розы Витальевны этого файла нет, придется все заново набирать на компьютере и исправлять ошибки...

Ужасно не хотелось браться за такую нудную работу, и вместо этого я задумалась.

Действительно странно, почему в тексте так много ошибок? Филаретыч был человек очень образованный, и уж грамотность у него была идеальная...

Вообще, в его смерти очень много странного...

Я вспомнила, что вытащила из его телефона карту памяти.

Интересно, не ее ли искал тот человек, который рылся в кабинете Филаретыча?

Я нашла карту у себя в сумочке, вставила в компьютер. Программа открыла ее, и я увидела список последних звонков...

Вот и самый последний номер. С него Филаретычу позвонили перед смертью... Значит, не «Скорую» он вызывал, а с кем-то разговаривал. Вот интересно, и этот кто-то, услышав, что человеку плохо, не забеспокоился, никак не проявил своей озабоченности... Услышав, что ему не отвечают, просто повесил трубку... Ну-ну...

Я выписала этот номер на листок.

Нужно попробовать позвонить по нему, узнать, что это за номер...

Я уже потянулась к своему телефону, но что-то меня остановило. Почему-то мне стало страшно. Вот накатило вдруг какое-то неприятное чувство, засосало под ложечкой, и сердце пропустило пару ударов.

Да что вообще со мной сегодня происходит?

Тут дверь нашего общего кабинета открылась, и на пороге возникло дивное видение – Алиса, та кукольная девица, которую привел в музей Азадовский.

Вот интересно – она дочка какого-нибудь его знакомого или начальника? Или он сам к ней бьет клинья? Если так, он давно не смотрелся в зеркало...

Алиса остановилась на пороге, удивленно моргнула своими пластмассовыми глазами и протянула:

– А где будет мой кабинет?

– Вот тут, – Роза Витальевна показала ей на свободный закуток за шкафом.

– Ту-ут? – протянула Алиса недоверчиво. – Но разве тут можно... работать?

– Мы работаем! – отрезала Роза.

Я молча наблюдала и думала, сколько эта орхидея выдержит в нашем клоповнике.

Она зашла в закуток, брезгливо оглядела его, вытерла стул носовым платком, села. Затем достала мобильный телефон

(само собой, поросячье-розовый, навороченный, со стразами), потыкала в него пальчиком и заговорила вполголоса – но акустика у нас хорошая, так что всем было слышно:

– Да, привет, это я... вышла на работу... ты не представляешь, какой это отстой...

Роза Витальевна кашлянула. Алиса покосилась на нее и еще понизила голос, так что больше ничего не было слышно.

Договорив, она положила телефон на стол и обернулась:

– А где у вас можно выпить ко-офе? Лучше бы латте...

– У меня есть банка растворимого, – предложила сердобольная Варвара Тихоновна, за что получила от Розы зверский взгляд. Но старушенция плохо видит, так что ничего не заметила.

– Растворимый? – В голосе Алисы прозвучал натуральный ужас. – А туалет хотя бы у вас есть?

– Что есть, то есть! – с готовностью сообщила Варвара. –

По коридору налево.

Алиса вскочила и шагнула к двери, но Роза крикнула ей в спину:

– Там вода спускается через раз!

– Как? – ужаснулась Алиса.

– А вот так – раз спускает, а раз нет. Это как повезет. –

Роза и не старалась скрыть злорадство в голосе.

Алиса вылетела в коридор, а я вернулась к своему занятию: начала набирать на телефоне номер, по которому разговаривал перед смертью Михаил Филаретович.

И снова мне стало страшно...

Если я наберу этот номер со своего телефона – меня за-
просто смогут найти...

Кто? Я понятия не имела, но отчего-то жутко боялась.

И тут я кое-что увидела.

Кукла Алиса, выходя из комнаты, оставила на столе свой
навороченный телефон...

Я огляделась.

Никто не смотрел в мою сторону, и я сделала пару шагов
и схватила телефон Алисы...

Понимаю, что такой поступок меня не красит, но что есть,
то есть. В конце концов, каждый хочет, как лучше для себя.

Я снова огляделась и быстро набрала на ее телефоне по-
дозрительный номер.

Сначала из трубки донеслось несколько длинных гудков,
потом послышался щелчок, и затем зазвучал странный голос
– ни молодой, ни старый, ни мужской, ни женский... и звучал
он откуда-то из страшного далека...

– Сделай слово умершего истинным против его врагов,
равно как ты делал истинным слово Осириса в присутствии
вождей-татау, которые вместе с Ра и Осирисом в вещую ночь
и священную ночь битвы, связанные по рукам и ногам...

Бред какой-то, бессмыслица!

Однако от этой бессмыслицы у меня холод побежал по
спине.

А бесполой голос продолжал, на этот раз перейдя на ка-

кой-то непонятный язык:

– Ра-хамархис, небтху-хур тефнут...

Загадочные слова лились из трубки, и словно тягучий ядовитый туман окутывал меня. Мне стало тяжело дышать, сердце билось в каком-то неправильном месте...

– Абха-нур, темахар софот...

Я пыталась оторвать трубку от уха, но рука меня не слушалась, как будто стала чужой, враждебной. Перед моими глазами поплыли разноцветные пятна...

В это время дверь нашей комнаты открылась, на пороге появилась Алиса...

Если она увидит свой телефон у меня в руке, это будет скандал. Разорется, нажалуется на меня Азадовскому, а мне отчего-то именно сейчас не хочется, чтобы меня увольняли...

Эта мысль необъяснимым образом помогла мне сбросить наваждение, преодолеть чары бесполого голоса. Я оторвала телефон от уха, сбросила звонок, бросила телефон на стол и метнулась в свой закуток.

И очень вовремя, потому что Алиса как раз дошла до своего рабочего места. На лице у нее был настоящий ужас – она никогда прежде не видела такого санузла, как у нас в музее... Унитаз желтый, не отмывается уже, бачок сверху, и бомбошка с цепочки давно потерялась, так что нужно слегка подпрыгнуть, чтобы дотянуться. Мне-то что, я молодая, а вот старушкам туговато приходится. Впрочем, они за много лет

натренировались.

Я перевела дыхание и снова попыталась сосредоточиться на статье.

«Фараон восемнадцатой династии, известный до пятого года своего правления как Аменхотеп Четвертый...»

И снова мне помешали сосредоточиться: где-то совсем рядом зазвучала жизнерадостная мелодия.

Я вздрогнула и обернулась, и тут же поняла, что это зазвонил телефон Алисы.

Она схватила телефон, как спасательный круг, поднесла его к уху и проворковала:

– Лиззи, это ты?

Тут же лицо ее вытянулось, глаза еще больше округлились, и она испуганно протянула:

– Кто это? Не понимаю... что вы говорите? Я ничего не понимаю...

Она послушала еще немного, после чего лицо ее побледнело, глаза закатились под лоб, и Алиса беззвучно сползла на пол.

Вот вы не поверите, но в глубине души я чего-то подобного и ожидала. Нехорошо, конечно, так подставлять эту куклу, но выхода у меня тогда не было.

Наши дамы кинулись к упавшей с громким кудахтаньем. Варвара Тихоновна пихала ей под нос флакончик с нюхательной солью (подозреваю, еще дореволюционный, а может быть, даже древнеегипетский – Среднего, а то и Древнего

царства), более практичная Роза Витальевна вызвала «Скорую помощь», отогнав остальных, чтобы дать несчастной точку воздуха.

Алиса и правда выглядела не лучшим образом. Она дышала, но была бела как мел и не приходила в сознание.

Я тоже подошла, чтобы понаблюдать.

У меня усилилось подозрение, что я отчасти виновата в том, что с ней произошло.

На полу, рядом с Алисой, лежал выпавший из ее руки телефон. Эта картина что-то мне напомнила.

Я подняла телефон, поднесла его к уху.

Из трубки неслись длинные, монотонные гудки.

Тогда я заглянула в журнал звонков...

И увидела, что последний входящий звонок пришел с того самого номера, по которому я только что звонила. С того самого номера, где я услышала странный, бесполой, гипнотический голос, который говорил на непонятном языке.

Да я и правда виновата в том, что случилось с Алисой! Я позвонила по этому номеру с ее телефона – и они, кто бы это ни был, перезвонили на него...

Я вспомнила, как мне стало плохо от этого голоса, какое на меня напало оцепенение... если бы я не смогла справиться с этим оцепенением, не смогла оборвать звонок, может быть, сейчас не Алиса, а я лежала на полу без сознания?

Тут я поняла, что напомнила эта картина – безжизненное тело Алисы и телефон на полу рядом с ней.

В таком же виде нашли Михаила Филаретовича. Только он был уже мертв.

Додумать эту мысль я не успела, потому что в дверях показались два человека в медицинской униформе – приехала «Скорая помощь». За ними маячил озабоченный Азадовский.

Врач огляделся по сторонам и бодро проговорил:

– Кто тут у нас больной?

Женщины расступились, чтобы он мог подойти к Алисе.

Медик опустился рядом с ней на колени, пощупал пульс, измерил давление, поднял веко, посветил в глаз маленьким фонариком, обменялся со своим напарником загадочными медицинскими терминами.

– Доктор, что с ней? – взволнованно спросил Азадовский.

– Ничего страшного, возможно, ортостатический коллапс.

– Что?! – переспросил Азадовский. – Это опасно?

– Да подождите, – врач отмахнулся, достал шприц и ампулу, сделал Алисе укол.

Та шевельнулась и открыла глаза. Лицо ее начало розоветь. Она удивленно оглядывалась по сторонам, явно не понимая, где находится и почему все хлопочут вокруг нее.

Врач снова послушал пульс, измерил давление и спросил:

– Вы не беременны?

Да что это они все зациклились на беременности? Меня вот по голове приложили, а первый вопрос был тот же самый...

Машинально я потрогала заживающую шишку на затылке. Кто-то же меня ударил там, в квартире Филаретыча. Этот вопрос надо прояснить потом...

– Да нет, вы что? – возмутилась Алиса. – С какой стати? Ну, раз возмущается, значит, все в порядке!

Видимо, врач подумал то же самое.

– Вам виднее! – проговорил он, поднимаясь. – Больше бывайте на свежем воздухе, принимайте витамины, высыпайтесь и избегайте переутомлений.

Вот уж, не думаю, что эта кукла когда-нибудь переутомлялась! Это совсем на нее не похоже!

Медики ушли, Азадовский помог Алисе подняться и увел ее к себе в кабинет, заботливо поддерживая под руку. Нет, все-таки интересно, она чья-то дочка или он имеет на нее виды? Уж больно суетится – по плечу поглаживает, шепчет что-то утешительное.

Азадовский оглянулся на сотрудников и плотно закрыл дверь кабинета.

А я вернулась в свой закуток и задумалась.

Что же это за номер, по которому так опасно звонить?

Алиса потеряла сознание, я чудом смогла оборвать звонок... но мы обе – молодые и крепкие, а Михаил Филаретович был пожилой и не очень здоровый человек, вот для него это и кончилось трагически...

Да разве такое может быть?

Разве человека можно убить словами?

Бред! Фантастика какая-то! Такого не бывает!

Но тут я вспомнила бесполой голос, льющийся из трубки, как ядовитый туман, вспомнила, как меня от этого голоса охватила тяжкая дурнота, как мне стало тяжело дышать, и при этом я не могла пошевелиться...

Ох нет, лучше об этом не думать, а то мне от одного воспоминания снова стало плохо!

Я вернулась к статье Михаила Филаретовича, начала набирать ее на компьютере. Спокойная монотонная работа действовала на меня успокаивающе.

Наследник престола проснулся от странных, тягучих звуков, которые доносились откуда-то снизу.

Он приподнялся на ложе и прислушался.

Это было пение. Тягучее, заунывное, завораживающее. Где-то внизу, в подzemелье дворца, пели два хора, чередуясь и сплетаясь, как сплетаются воды двух рек, чтобы стать одной могучей рекой. Теперь наследник смог расслышать даже слова этого гимна.

«О великий, Изида Лучезарная, мать всего живого, приветствует тебя!»

«О бессмертный, бог Амон-Ра, сокрушительный и всемогущий, дарует тебе свое вечное покровительство, помогает тебе сокрушить врагов и недругов!»

«Ничто в Египте не совершается без твоего соизволения! Ни один камень не падает без твоей воли! Без твоей воли не наливаются пшеничный колос, не зреет виноградная лоза».

Сердце наследника забилося от волнения.

Неужели...

Дверь опочивальни распахнулась, на пороге появился его наставник, жрец Изиды Пентуар. Он упал ниц на пороге и проговорил, не поднимая лица:

– Соизволь подняться со своего ложа, о великий, и проследовать за мной!

Наследник удивленно взглянул на Пентуара.

Прежде он не падал перед ним и обращался к нему иначе... значит, и правда воля богов свершилась, и он...

– Что с его божественным величеством, моим отцом? – настороженно спросил он жреца.

– Божественный фараон бессмертен! – проговорил жрец, по-прежнему не поднимая головы. – Теперь ты – божественный фараон, отец всех людей и брат всех богов! Соизволь проследовать за мной, равный богам!

– Значит, мой отец...

– Отец твой вскоре отплывет в погребальной ладье, чтобы присоединиться к сонму богов, чтобы воссесть в небесном чертоге рядом с Озирисом и Изидой. А сейчас, о великий, жрецы ждут тебя, чтобы возложить на твое чело священные регалии.

Наследник престола... то есть теперь уже фараон, повелитель Верхнего и Нижнего Египта и девяти народов, проследовал за Пентуаром.

Они прошли по знакомым дворцовым коридорам, но потом свернули в узкую дверь, которой наследник прежде не замечал, и, пройдя еще одним коридором, оказались в небольшой комнате без окон, где их

поджидали двое жрецов низшего ранга.

Низко поклонившись наследнику... то есть теперь уже фараону, жрецы облачили его в короткую тунику в черную и красную полоску, в золотой передник, возложили ему на плечи золотой воротник, украшенный ониксом и нефритом, на голову – парик, умащенный бесценными благовониями.

Только головного убора на него не надели, и наследник догадался почему.

Облачив его в эти одежды, жрецы взяли наследника за руки и провели через низкую арку в новый коридор.

Идя по этому коридору, наследник (или уже фараон?) услышал впереди ровный гул, напоминающий шум морского прибоя.

Коридор закончился.

Он оказался на круглой платформе, возвышающейся над огромным залом, наполненным людьми.

Теперь наследник понял, что за шум слышал, идя по коридору.

Это были приглушенные голоса наполнивших зал многочисленных людей.

Здесь собрались военачальники и вельможи, номархи и наместники провинций, но больше всего было жрецов. Бритоголовые, одетые скромно, по сравнению с вельможами и военачальниками, жрецы составляли, наверное, три четверти присутствующих.

При появлении фараона все в зале замолчали.

Рядом с ним появился хорошо знакомый ему жрец, верховный жрец храма Гора. Но сейчас он был одет

не так скромно, как обычно. На нем была золотистая накидка, на голове – драгоценный золотой убор, украшенный Уреем – великим змеем, символом царской власти.

– Почему у него на голове царский убор? – тихо спросил фараон Пентуара.

– Потому что в короткий промежуток времени, когда прежний фараон покинул свою земную оболочку, а новый еще не возшел на трон отцов, именно он несет знак высшей власти!

– С какой стати? – помрачнел фараон.

– Так заведено веками!

– Да здравствует фараон! – воскликнул жрец, снял царский головной убор и возложил его на главу фараона.

Я ввела в компьютер первые строки статьи и снова поразилась тому, как много в ней ошибок.

Ну, не мог Михаил Филаретович написать такое:

«Уникальный ортефакт, представляющий в новом свете прожлое Егепта...»

Ну, вот не мог, и все! У него рука бы не повернулась написать такое!

Если только он не сделал это нарочно...

Но зачем?

Я взяла чистый листок и выписала на нем в столбик все неправильные буквы из первых строк:

О

Ж

Е

Потом продолжила ввод – и при этом выписывала на листок все ошибки:

«Безупречные изделия египетских мастеров должны были увековечить память вараонов...»

И снова я выписала в столбик неправильные буквы:

Г

О

В

Теперь я сложила все ошибки вместе – и получила слово: Ожегов.

Не просто слово – фамилию.

И фамилия эта была мне, несомненно, знакома. Где-то я ее слышала, причем не один раз...

И тут из своего закутка подала голос Варвара Тихоновна, которая, судя по всему, тоже редактировала какую-то статью:

– Нет, ну до чего все-таки современная молодежь безграмотна! А все почему?

Она сделала паузу, наверное, надеясь, что кто-то ей ответит. Однако она не дождалась и ответила сама себе:

– Потому что во всем полагаются на компьютер! Совершенно не умеют работать со словарями! В «Ожегова» годами не заглядывают! А может, и вообще никогда...

Я буквально подскочила.

– Варвара Тихоновна, что вы только что сказали?

– Сказала, что современная молодежь безграмотна, не умеет пользоваться словарями!

Тут она спохватилась, что я непременно приму это на свой счет, и смущенно добавила:

– Это я не о тебе.

– Нет, а какую фамилию вы назвали?

– Ожегов, конечно! Сергей Иванович Ожегов, выдающийся советский ученый, лингвист, доктор наук, автор самого лучшего, много раз издававшегося словаря русского языка. В который кое-кому стоит почаще заглядывать...

– Спасибо большое, Варвара Тихоновна! Вы мне очень помогли. Просто выручили.

Варвара явно удивилась. Она явно не ожидала от меня благодарности, тем более такой бурной.

– Помогла? Ну, не знаю чем, но я всегда рада помочь...

– А у вас он есть? – продолжила я. – Ну, этот словарь?

– Словарь Ожегова должен быть у каждого грамотного человека! – припечатала Варвара.

Я бросилась к ней, и она мне тут же выдала большой коричневый том. При этом в глазах у нее светилось самое настоящее умиление.

А я положила перед собой словарь Ожегова.

Значит, ошибки в тексте статьи были не случайными. Михаил Филаретович при помощи этих ошибок зашифровал фамилию автора этого самого словаря. Но что он хотел этим сказать?

Я просмотрела продолжение его статьи – и увидела, что там тоже множество опечаток, но на этот раз это были не буквы, а цифры, без всякого смысла и порядка вставленные посреди обычных слов. Причем они были вставлены то по три подряд, то по две...

Я выписала эти группы цифр и снова задумалась.

Михаил Филаретович явно зашифровал в своей статье какое-то послание, какое-то тайное сообщение. Первой частью этого послания оказалась фамилия «Ожегов». Скорее всего, это отсылка к его знаменитому словарю.

Но если послание начинается с названия словаря, значит, этот словарь – ключ ко всему сообщению...

В свое время Михаил Филаретович рассказывал мне, как Жан-Франсуа Шампольон расшифровал египетские иероглифы. При этом он вкратце рассказал мне вообще о шифрах и способах их прочтения. Конечно, я слушала его вполуха, но все же кое-что запомнила. В частности, запомнила, что часть шифров используют ключ – то есть какую-то книгу, которая нужна для их создания и расшифровки. То есть у автора зашифрованного письма и его адресата должна быть одна и та же книга, иначе прочесть шифровку не удастся.

Так вот, в моем случае эта книга – словарь Ожегова...

Значит, ключ у меня есть – и я могу прочесть зашифрованное послание, оставленное Михаилом Филаретовичем.

Я просмотрела группы цифр, выписанные из статьи.

В этих группах были поочередно то две, то три цифры.

Самая большая трехзначная группа была 832, все двухзначные были не больше пятидесяти.

Я пролистала словарь Ожегова и выяснила, что всего в нем 850 страниц и на каждой странице не больше пятидесяти слов.

Догадка была очевидна: трехзначные числа – это номера страниц, двухзначные – порядковые номера слов на странице...

Я принялась за расшифровку, и через полчаса передо мной было послание Михаила Филаретовича.

* * *

Послание было очень странное.

«Примите к сведению, что экспонат за номером 14 697 имеет необычайную важность. Его значение может быть разъяснено тем, кто имеет прямое отношение к ложе Озириса Циннендорфова кодекса. Поможет вам в поисках принцесса Вампука».

«Какой-то бред... – привычно подумала я, – розыгрыш... зря только возилась с расшифровкой!»

С другой стороны, Михаил Филаретович не такой человек, чтобы тратить время на глупые розыгрыши. Наверное, в этом послании все же есть какой-то смысл, только нужно до него докопаться...

Для начала я просмотрела список экспонатов, прислан-

ных в наш музей на грядущую выставку. Среди этих экспонатов действительно был один под номером 14 697. В спецификации было указано, что это – ритуальный жезл египетского жреца, предположительно датируемый восемнадцатой династией.

Допустим, этот жезл почему-то имеет особую важность, о чем Михаил Филаретович хотел нас предупредить.

Но дальше начинается какая-то ахиня.

Почему значение этого экспоната должен разъяснить кто-то, имеющий отношение к ложе Озириса? И вообще, что это за ложа такая? Да еще какой-то Циннендорфов кодекс замешался...

К счастью, мы все же живем не в каменном веке, даже у нас в музее есть высокоскоростной интернет, и я сделала запрос о значении слова Циннендорф.

Умная программа сообщила мне, что система, или Устав, Циннендорфа – это одна из двух систем масонских лож, которые появились в России в восемнадцатом веке.

Тут же мне рассказали, что первым масоном в нашей стране стал екатерининский вельможа Иван Перфильевич Елагин, который в 1770 году получил от важной берлинской ложи «Роял Йорк» разрешение на открытие первой в России провинциальной великой ложи и стал ее первым Великим мастером.

Но вскоре у него появился влиятельный конкурент – приехавший в Россию из того же Берлина бывший гофмейстер

Брауншвейгского двора Рейхель основал в нашей стране ложи так называемого Циннендорфова устава.

Рейхель основал в Санкт-Петербурге масонские ложи «Аполлона», «Диониса», «Гарпократа», «Горусы», «Немезиды» и «Латоны», а также одноименную ложу «Аполлона» в Риге, ложу «Изиды» в Ревеле (нынешнем Таллине) и еще одну ложу в Петербурге и Москве – а именно ложу «Озири-са».

Ага, наверняка вот про эту ложу и пишет Михаил Филаретович в своем послании!

Но все эти ложи существовали в восемнадцатом веке, некоторые дожили до девятнадцатого, а у нас сейчас двадцать первый. В стране было несколько революций и войн, и страна-то уже не та, и от масонских лож не осталось и следа...

Где же мне найти того, кто имеет отношение к этой самой давно забытой ложе?

Михаил Филаретович пишет, что мне в этом поможет какая-то принцесса Вампука, но что это за принцесса, я понятия не имею, а даже само ее имя звучит как-то несерьезно...

Правда, у меня мелькнуло смутное ощущение, что где-то я уже слышала про эту принцессу со смешным именем, но где? Никак не могла вспомнить.

Да, память у меня весьма избирательна. С одной стороны, я многое могу запомнить с одного раза, с другой – буду долго вспоминать слово или имя, прямо как Варвара Тихоновна.

Хотя она-то как раз профессионально ничего не забывает, правда, призналась, что дома не помнит, что куда положила.

Но я – человек весьма специфический, во многом я не похожа на других. Совершенно этим не горжусь, такая уж у меня судьба.

* * *

Я – досадная ошибка природы. Запутанная, ошибочная хромосома, фатальный генетический сбой, неожиданный росток из мертвого, нежизнеспособного семечка, гнилая веточка от гнилого же дерева. В общем, меня не должно было быть. Причем не то что я не должна была появиться на свет, нет, клетки моих родителей не должны были соединиться. Ну, просто никак. А вот вышло.

Даже не хочу называть этих людей родителями. Причем в случае папаши так оно и есть, уж он-то точно отцом никогда не был. А был в свое время обычным сыночком довольно обеспеченных родителей. По тем временам, конечно.

Мне сейчас двадцать семь, а этот придурок заделал меня в двадцать лет... в общем, было начало девяностых. И я так понимаю, что ничего еще тогда было неясно. То есть те, кто был совсем бедным, как-то старались выжить и рано начали вертеться в поисках денег. А родители моего, с позволения сказать, папочки были люди небедные. Отец – театральный режиссер, мать – актриса, так что сыночек их ни в чем не

знал горя. До поры до времени, конечно.

Он был законченный пофигист. И невероятный лентяй, просто фантастический. Так что ему лень было даже найти себе приличную девушку. Или хоть неприличную, но хотя бы с полутора извилинами в голове. Которой хватило бы этого количества извилин, чтобы не залететь. А скорей всего, мало-мальски здравая девица и внимания бы на этого уroda не обратила.

А которая обратила, та и была моя мать (опять-таки не хочу называть ее этим словом). Вот было бы здорово появиться на свет из лабораторной пробирки. И чтобы в свидетельстве о рождении так и было написано, черным по белому.

В общем, где уж они познакомились, я понятия не имею. Вообще, если вы думаете, что я в детстве слышала об этом хоть слово, то вы глубоко ошибаетесь. Папашу моего мать называла несколькими выразительными словами, которые здесь я не могу привести из соображений благопристойности, самыми приличными среди них были «козел», «урод тряпочный» и «обмылок». Больше никаких достоверных сведений я о нем не имела.

Потом мать про него просто забыла. Она вообще многое забывала, например, накормить меня. Или прибраться в квартире. Так что куча мусора, вываливающегося из ведра на пол или паутина по углам – для меня вещи, привычные с детства, как и плесневелые корки или яблочные огрызки, валяющиеся на диване.

Я рано научилась открывать холодильник и залезать на стул, чтобы пошарить на верхней полке буфета. Мать прятала там чипсы и соленые сухарики к пиву. Меня она кормила, когда вообще вспоминала о моем существовании, геркулесовой кашей, варила ее дня на три в большой закопченной кастрюле. Вы ели когда-нибудь позавчерашнюю геркулесовую кашу, холодную, комковатую и несладкую? Нет? Ваше счастье. Можно считать, что вам повезло в жизни.

Забыла сказать, что мать была старше моего папочки лет на восемь-девять, так что родила меня, скажем так, в довольно взрослом возрасте, почти под тридцать. Но вы уже поняли, что возраст тут ни при чем, ума он ей не прибавил.

Как она жила до этого, ведь нужно же было что-то есть, одеваться, платить за квартиру... У нее был брат, но об этом я узнала гораздо позже, уже когда в школе училась.

Брат этот жил когда-то в той самой квартире, куда меня принесли из роддома, но съехал очень давно. Однако исправно платил за квартиру, что я узнала в школе, когда начала сама разбираться с квитанциями. Еще он переводил матери деньги (очень небольшие, кстати), на которые она в основном и жила. Потому что зарабатывать сама она ну никак не могла, не уживалась ни на одной работе.

Специальности не было у нее никакой, образования тоже. Кроме того, у нее не было ни бытовой хитрости, ни хоть какого-то житейского здравого смысла. По молодости она вроде бы даже была на внешность ничего себе, но все это очень

быстро и бесследно ушло, поскольку она совершенно собой не занималась.

Еще раз повторю: я понятия не имею, где они подцепили друг друга. Но вот это все же случилось. Мать до того не интересовалась собой, что поняла, что беременна, только месяце на пятом, когда уже поздно было что-либо делать.

Если вы думаете, что я этому рада, то глубоко ошибаетесь. Говорила уже, что я – досадная ошибка природы, генетический сбой и результат клинического идиотизма этой личности, которая по недоразумению стала моей матерью.

В общем, осознав этот непреложный факт и побывав даже у врача, мать не придумала ничего лучше, как заявиться домой к папочке, чтобы сунуть ему под нос справку о беременности, поскольку к тому времени папаша потерял уже к ней всяческий интерес и перестал приходить хотя бы изредка.

Ну что вам сказать? Папа-режиссер пришел в ярость, мама-актриса – в ужас. Только их сыночек сохранял спокойствие, ему, как уже говорилось, все всегда было по фигу. Короче, мать выгнали с треском, едва с лестницы не спустили, правильно определив, что никто за ней не стоит и никаких неприятностей она семье причинить не сможет. Бороться, я так понимаю, она и не пыталась.

Так я появилась на свет. В роддоме мать познакомилась с какой-то бабой из благотворительной организации, которая принесла одежду для новорожденного и все, что нужно. Потом она еще приходила несколько раз, а потом мать с ней

разругалась из-за того, что та баба пыталась якобы заграбастать квартиру.

Вряд ли это было так на самом деле, скорей всего, матери надоели бесконечные поучения, что нужно заниматься ребенком и убирать в квартире хотя бы раз в неделю.

Ни в ясли, ни в садик я не ходила – матери лень было бегать по бесчисленным инстанциям, подавать заявления и заполнять документы. Одежду для меня отдавали соседи, причем никогда не заходили в квартиру, а оставляли пакеты под дверь. Общаться с матерью никто не хотел, она могла вдруг без всякой причины обругать человека, бросить в лицо пакет, плюнуть вслед.

Вот такое вот было у меня раннее детство, которое я помню только урывками и фрагментами. Да там и вспоминать-то особо нечего... то еще удовольствие!

* * *

Я очнулась от не слишком веселых мыслей и сама на себя рассердилась. Нашла, на что тратить время! Никому не интересны эти воспоминания, прежде всего, мне самой. Наверно, так на меня повлияла смерть Михаила Филаретовича.

Да вот, кстати, еще вопрос – отчего же он умер. Если от сердечного приступа, то его вполне мог спровоцировать тот странный бесполой голос в телефонной трубке. Точнее, заунывные гипнотические заклинания на непонятном языке.

Я вспомнила валявшуюся на полу Алису с закатившимися глазами и как сама едва удержалась, чтобы не потерять сознание, а пожилому человеку много ли надо?..

Никто, разумеется, мне не поверит, да и кому я могу рассказать? Человека уже похоронили, никто не станет разбираться.

Но я не могу это так оставить. Филаретыч – один из немногих людей, который сделал для меня что-то хорошее, так что...

Я выписала зловещий номер на листочек, а карту памяти спрятала подальше. Обязательно выясню, кому принадлежит этот номер. Телефон стационарный, я выясню, где он находится, а там еще посмотрим, кто кого. Жалко как Филаретыча...

Внезапно я почувствовала, что на глазах показались слезы. Вот уж странно, сколько себя помню – никогда не плакала. И на похоронах тоже, хотя наши музейные дамы все как одна ревели белугами. Один Азадовский был преувеличенно бодр и энергичен, даже и не пытался печальный вид сделать.

Вот помяни черта – а он уж тут как тут, как говорил все тот же Филаретыч.

В моем закутке появился Азадовский собственной персоной, за ним маячила Алиса. Она подправила косметику, причесалась и выглядела вполне очухавшейся. Еще бы, Азадовский ее в кабине утешал, подбадривал и поил настоящим кофе из собственной кофеварки, которую первым делом пере-

ташил в кабинет Филаретыча.

– Карасева, – набросился на меня Азадовский, – ты чем это занимаешься? За целый день не удосужилась статью отредактировать и перепечатать?

Ну не рассказывать же ему, что я занималась расшифровкой сообщения, которое оставил Филаретыч. Вот интересно, только кому. Неужели мне?

– Карасева! – загремел Азадовский. – Ты спишь, что ли, на рабочем месте?

– Ошибки исправляла, – буркнула я, ткнув ему в нос толстенный словарь Ожегова. – Сами же сказали исправить, – я отвернулась, чтобы не заметил выступивших слез.

– И еще... ты написала конспект текста экскурсии для Алисы... Дмитриевны? Назавтра у нас записана большая группа. Тема общеознакомительная.

– Нет еще...

– Не успела? – загремел он, нависая надо мной, как туча над утесом. – Ну, знаешь ли...

Совсем близко я видела его маленькие глазки, злые, как у свиньи. То есть у свина. Или у борова. И залысины на лбу, и нос пяточком. Вылитый боров!

Кажется, я пробормотала это вслух, потому что он несколько растерялся. Но тут же опомнился и скрипнул зубами.

– Быстро введи Алису Дмитриевну в курс дела! Конспект экскурсии чтобы был через двадцать минут!

– Арсений Павлович! – робко вступила Алиса. – Может быть, я лучше потом... раз конспект не готов...

– Не волнуйтесь, девочка моя! – залезбездил Азадовский и погладил ее по плечу. – Я же обещал, что все у нас с вами будет тип-топ... – и засмеялся так противно.

Алиса отвернулась, но мне снизу видно было, что она чуть поморщилась. Это меня с ней несколько примирило, так что, когда наш новый директор убрался наконец к себе в кабинет, я кивнула Алисе на соседний стул почти приветливо.

– Садись. Ничего, если я не стану тебя по отчеству звать? А то тебе тоже так придется, а я свое отчество не очень люблю.

Говорила или нет, что от папаши досталось мне только отчество, записанное в свидетельстве о рождении. Звали его Артуром, так что удружил так удружил, нечего сказать.

– Как ты сюда в музей попала? – спросила я просто для начала разговора, пока искала в столе буклет, где перечислены были главные экспонаты нашего музея.

Экскурсия завтра будет ознакомительная, люди в группе случайные, много вопросов задавать не будут. Можно обойтись самой общей информацией.

В ответ на мой вопрос Алиса вздохнула и сказала, что это все папа. Он решил, что она должна обязательно работать.

Зачем только? Она в толк не возьмет. И мама тоже. Но папа сказал, что после того, как оплатил ее образование, он не обязан ее содержать. Что у него, кроме Алисы, еще трое

детей на шее сидят, и две жены, кроме ее мамы. Поэтому то, что матери положено по суду при разводе – то он и отдал, и содержание положил вполне приличное. Но так будет не всегда, он, папа, не вечен, так что Алиса должна сама работать. А поскольку по специальности она искусствовед...

Тут я зарылась в ящик с головой, чтобы не уточнять подробности. Как раз и буклет очень удачно нашелся. Я обвела там самые важные и интересные экспонаты, мелким шрифтом приписала на полях нужные подробности и отдала его Алисе, посоветовав пройтись еще с буклетом по залам, чтобы знать, где что находится.

Она неопределенно кивнула.

* * *

На этом рабочий день закончился. Можно идти домой. Хотя со словом «дом» связаны некоторые сложности или, точнее, как сейчас говорят, непонятки.

Кстати, Михаил Филаретович очень не любил, когда я употребляю такие слова, говорил, что они засоряют язык и что мне надо быть особенно внимательной, поскольку словарный запас формируется с детства, а у меня с этим были сложности.

Это он так деликатно называл мою прежнюю жизнь. И рассердился на меня только один раз, когда в подростковом возрасте я начала выделываться и жаловаться на свое

несчастливое детство. Ах да, вы же еще всего не знаете...

Так вот, Михаил Филаретович единственный раз повысил тогда на меня голос. Сказал, что это последнее дело – жаловаться на судьбу. Нужно выбираться, ни на кого не рассчитывать, и не искать в жизни справедливости. Если кому-то достались родители, которые балуют ребенка и оберегают от всех даже мелких неприятностей, это вовсе не значит, что и дальше в жизни все будет так же. Скорей всего, нет.

Так что нужно быть готовой ко всему, а кто, как не я, лучше всего это понимает.

Так, может, мне еще и повезло, угрюмо пробормотала тогда я. На что Михаил Филаретович ответил, что жизнь передо мной длинная и как знать...

Скажу сразу, не очень-то я ему тогда поверила и запомнила его слова только потому, что, обычно спокойный и вежливый, он повысил на меня голос.

Снова я заморгала, стараясь сдержать слезы. Нет, так дело не пойдет, нужно отставить воспоминания и сосредоточиться на сиюминутных проблемах.

Тут я вспомнила, что не купила никакой еды. Значит, если я не хочу умереть с голоду, нужно зайти в магазин и купить хоть чего-нибудь съедобного на вечер.

Ближайший к музею магазин находился неподалеку, в Сахарном переулке.

Я свернула в этот переулок, перешла дорогу...

И тут увидела перед собой яркую афишу.

На этой афише среди пальм в кадках кривлялась чернокожая личность с ярко-красными губами и круглыми, нелепо выпученными глазами, в наряде из страусовых перьев и блестящих стекляшек. Поверх этой нелепой особы змеились разноцветные буквы названия:

«Вампука, принцесса африканская. Образцовая опера в двух действиях с танцами, куплетами, фейерверком, военным парадом и извержением вулкана».

Я остановилась как громом пораженная.

Вот же она, та самая Вампука, о которой говорится в послании Михаила Филаретовича!

Тут я вспомнила, где и когда я слышала это смешное имя.

Это было в пансионате... в том самом пансионате, о котором я еще не говорила, но непременно расскажу. Тамошние обитатели, дурачась, часто цитировали эту дореволюционную пародийную постановку. Чаще всего они упоминали о Лодыре, «молодом человеке с перьями, где надо», а также повторяли фразу: «Да, европеец я, и вас завоевал! – Он нас завоевал? Благодарю, не ожидал!»

Очень мило, но чем эта пародийная Вампука поможет мне в моих поисках?

Я подошла к афише и внимательно изучила ее.

Пародийная опера «Вампука» была поставлена в небольшом, малоизвестном театре, который носил забавное название «Театр за углом» и располагался тут же, в Сахарном переулке.

На афише крупными буквами были напечатаны имена создателей этой пародии – автора либретто князя Волконского и композитора Эренберга, а также режиссера-постановщика Леонида Веселаго (наверняка псевдоним) и исполнителей главных ролей – Юлии Сахаровой, Романа Лимонова и Захара Стаканова.

Ниже мелким шрифтом были перечислены актеры второго плана и прочие участники постановки – осветитель, костюмер, мастер по спецэффектам. Здесь же был указан режизитор – Б. М. Рейхель.

Это имя привлекло мое внимание.

Я вспомнила, что масонские правила так называемого Циннендорфова Устава привез в Россию немецкий вельможа по фамилии Рейхель. Только что ведь об этом прочитала в интернете.

Вряд ли это случайное совпадение – Рейхель же не Иванов и даже не Шмидт!

Значит, мне нужно найти этого Рейхеля...

Я толкнула дверь, на которой имелась табличка «Только для служащих театра».

За этой дверью сидел толстенький дядечка в круглых очках, который сосредоточенно вязал полосатый носок. Он напомнил мне волшебника Гудвина из книги «Волшебник Изумрудного города». Кстати, первый раз вижу вяжущего мужчину!

Полоски были яркие, разного цвета, а сам носок ужасно

длинный. На жирафа, что ли...

Дядечка взглянул на меня поверх очков и строго проговорил:

– Девушка, это служебный вход! Зрителям сюда нельзя.

– А я не зритель. Я ищу вашего реквизитора, Рейхеля... он сейчас здесь?

Я хотела для большей достоверности назвать вахтеру имя-отчество этого самого театрального реквизитора. Скорее всего, он Борис Михайлович, а если нет?

– Ах, вам Рейхель нужен! – протянул вахтер, и голос его смягчился. – Должен быть у себя... да мы сейчас проверим...

Он снял трубку с допотопного черного телефона, набрал короткий номер и проговорил:

– Бруно Мартинович, к вам тут пришли!

Положив трубку, вахтер снова повернулся ко мне:

– Значит, идите по этому коридору до конца, потом свернете налево, через грот...

– Грот? – удивленно переспросила я.

– Ну да, пройдете через грот, а будет там третья дверь справа.

Я порадовалась, что не назвала Рейхеля Борисом Михайловичем, и пошла в указанном направлении.

Прошла по длинному коридору и действительно оказалась в большом полутемном гроте, с неровными стенами и свисающими с потолка сталактитами.

Тут из темноты навстречу мне шагнул какой-то дикарь или первобытный человек – детина огромного роста, в одежде из шкур, с огромной кудлатой бородой и растрепанными волосами.

Я испуганно шарахнулась от него.

– Девушка, – проговорил этот неандерталец неожиданно высоким голосом, преградив мне дорогу, – вы не знаете, какой здесь пароль от вайфая?

Только тут я заметила у него в руке мобильный телефон и немного успокоилась.

– Не знаю, – ответила я честно, – я не здешняя.

– Жаль! – Неандерталец вздохнул и отступил в сторону.

Я пересекла грот, снова оказалась в коридоре.

Миновала две двери и остановилась перед третьей.

На этой двери имелась табличка: «Реквизиторская».

Значит, я точно пришла, куда надо.

Я постучала в дверь, и из-за нее донесся странный хриплый голос:

– Откр-рыто! Откр-рыто!

Ну, открыто так открыто...

Я толкнула дверь и вошла в комнату.

Чего здесь только не было!

Шелковые ширмы и резные шкафчики, птичьи клетки и окованные железом сундуки, старинные граммофоны с расписными трубами и сверкающие медные самовары, чемоданы с разноцветными наклейками и музыкальные шкатул-

ки...

Я словно оказалась на блошином рынке или в антикварном магазине.

Посреди этого развала стоял круглый столик красного дерева, на котором красовался стакан чая в подстаканнике, серебряная сахарница и вазочка с печеньем. Но самого хозяина реквизиторской не было видно.

Но ведь он отозвался, когда я постучала в дверь?

– Бруно Мартинович! – громко проговорила я, оглядываясь по сторонам. – Где вы? Нам нужно поговорить!

– Разговор-рчики! – раздался совсем рядом уже знакомый мне хриплый, словно простуженный голос.

– Что, простите? – переспросила я удивленно...

И тут увидела на консоли рядом с круглым столиком большую клетку, а в ней – красивого попугая, светло-зеленого, с большим желтым пятном на лбу.

Попугай переступил по жердочке и проорал:

– Пр-ривет!

– Привет, – отозвалась я неволью. – Так это ты мне ответил?

– Р-роберт! – отозвался попугай.

– Ах тебя зовут Роберт? Очень приятно. А меня – Анна... а где твой хозяин, Роберт?

– Бр-руно нет... нет, нет! – выкрикнул попугай и спрятал голову под крыло, как будто от смущения.

– Нет? Как же так? Ведь он только что разговаривал с вах-

тером!

– Дела, ср-рочные дела! – крикнул попугай и отступил в дальний угол клетки.

– Ах дела? – переспросила я недовольно. – Что это за дела такие неожиданные? И срочные?

– Секр-рет!

– Ах, секрет... а почему, интересно, у него возникли срочные дела именно тогда, когда я пришла с ним поговорить? И как это он так незаметно ушел, что я его не встретила?

Попугай снова смущенно отвернулся, всплеснул крыльями и проговорил недовольно:

– Допр-рос? Допр-рос? Допрос с пристр-растием?

– Да какой же это допрос? Мне просто очень нужно поговорить с Бруно Мартиновичем.

Тут я малость опомнилась и посмотрела на себя со стороны. Стою тут и на полном серьезе разговариваю с попугаем. Надо уходить.

Хотя попугай по имени Роберт мне нравился и оказался хорошим собеседником, я направилась к двери.

– Бр-руно, дружище! – проговорил вдруг попугай совсем другим голосом, который тем не менее показался мне очень знакомым. – Сыгр-раем пар-ртию?

Он переступил по жердочке и продолжил тем же удивительно знакомым голосом:

– Знаем мы, как вы плохо игр-раете!

И тут я узнала и эту фразу, и этот голос.

Мое знакомство с Филаретычем началось в пансионате, и началось оно с того, что он научил меня играть в шахматы. И за игрой он в задумчивости часто повторял эту ноздревскую фразу.

И голос... голос попугая не случайно показался мне знакомым – на этот раз он, несомненно, подражал голосу Михаила Филаретовича.

– Роберт, так ты был знаком с Филаретычем?

Попугай взглянул на меня искоса и прохрипел:

– Филар-ретыч, др-ружище!

– Да, я с ним тоже дружила... – грустно проговорила я. – Так все же, Роберт, где твой хозяин? Где Бруно Мартинович? Мне очень нужно с ним поговорить!

Попугай снова отступил в глубину клетки, наклонил голову и задушевым голосом произнес:

– Ор-решков, Роберту ор-решков!

– Вот орешков у меня, к сожалению, нет! – вздохнула я. – Я не знала, что встречу тебя.

И тут я снова увидела себя со стороны.

Сию в театральной реквизиторской и беседую с говорящим попугаем... я что, на полном серьезе думаю, что он мне что-то расскажет? Попугай же – не мыслящее существо, он просто повторяет услышанные когда-то слова и фразы... он скорее не собеседник, а живое устройство звукозаписи. Хотя из записи диктофона или карты памяти тоже можно узнать много полезного...

А Роберт снова подал голос:

– Тр-радиция! Тр-радиция!

Ну вот, совсем его занесло в сторону... при чем здесь традиция? О чем он вообще?

Без большой надежды на успех я сделала еще одну попытку узнать от него что-то полезное.

– Роберт, где же Бруно? – проговорила я настойчиво. – Куда же он ушел?

– Бр-руно! – выкрикнул попугай снова голосом Михаила Филаретовича. – Где ты, др-руг?

И вдруг он всплеснул крыльями, подняв облако пыли, и совсем другим голосом проорал:

– Тор-реадор, смелее впер-ред! Кар-рмен! Кар-рмен!

– Ну вот, теперь ты перешел на оперный материал! – вздохнула я. – Пользы от этого никакой... и голос твой явно недотягивает до оперного баса...

А попугай посмотрел куда-то за мою спину и снова выкрикнул:

– Кар-рмен! Кар-рмен!

– Ну, слышала уже... – вздохнула я. – Только ума не приложу, при чем здесь Кармен...

И тут словно какая-то сила подтолкнула меня.

Я повернулась, проследив за взглядом попугая, и увидела возле стены реквизиторской небольшой застекленный двустворчатый шкафчик красного дерева. Под стеклом были наклеены две немного выцветшие театральные афиши: на од-

ной тореадор в расшитом золотом костюме, на другой – чернокудрая цыганка в пышном платье. И название оперы, естественно, «Кармен».

– Кар-рмен! – снова выкрикнул попугай.

– Ах вот оно что! – догадалась я. – Ты хочешь обратить мое внимание на этот шкафчик? Ну, ведь не прячется же там твой хозяин! Это было бы как-то глупо!

– Кармен, – повторил попугай настойчиво.

– Ну, раз ты так настаиваешь...

Я подошла к шкафчику, распахнула его дверцы.

Внутри, разумеется, никого не было. В шкафу на плечиках висело несколько нарядных театральных платьев.

Повинуясь какому-то неосознанному порыву, я отодвинула эти платья в сторону.

За ними была, как и можно было ожидать, задняя стенка шкафа, а в ее верхней части – небольшая задвижка. Я отодвинула ее...

Задняя стенка тут же отъехала в сторону, как дверца железнодорожного купе, и за ней обнаружился темный проход в неизвестность. Довольно низкий, но достаточный, чтобы в него мог войти человек.

Так вот куда ушел Бруно Мартинович перед моим приходом! Знать бы еще зачем!

Я повернулась к попугаю и сказала с благодарностью:

– Спасибо тебе, Роберт! Извини, что я тебя не сразу поняла!

И снова я увидела себя со стороны – разговариваю с говорящей птицей как с мыслящим существом... еще и благодарю его за помощь...

Да, но он же мне действительно помог!

– Пр-ривет! – крикнул мне в ответ попугай. – Двер-рь закр-рой!

Я включила мобильный телефон в режим подсветки, наклонилась и шагнула в шкаф, светя перед собой.

И едва я вошла в потайной коридор, увидела на полу у себя под ногами какой-то светлый прямоугольник.

Я наклонилась и подняла его.

Это была глянцевая картонная карточка с названием и адресом магазина.

«Магазин ТРАДИЦИЯ. Антиквариат. Предметы старины, советского и дореволюционного быта. Сохраним вместе память прошлого».

Ниже были напечатаны адрес, телефон и часы работы этого магазина.

Ага, вот почему попугай повторял слово «Традиция»! Может быть, там, в этом магазине, я и найду его хозяина?

Я закрыла за собой дверцы шкафа и вошла в потайной коридор.

К счастью, коридор оказался не слишком длинным, через несколько минут я дошла до его конца и остановилась перед металлической дверью, закрытой на защелку.

Открыла ее – и оказалась во дворе, судя по всему, поза-

ди здания театра. Передо мной два уличных кота выясняли отношения, завывая страшными голосами. Чуть в стороне сидела облезлая трехцветная кошечка, она умывалась, делая вид, что кошачья дуэль не имеет к ней никакого отношения.

При моем неожиданном появлении коты замолчали, недовольно глядя на меня.

– Извините, мальчики, не хотела вам помешать! – проговорила я, проходя мимо них, очевидно, разговоры с животными вошли уже в привычку.

Я вышла из двора через металлические ворота и оказалась в тихом переулке.

Еще несколько минут – и я уже ехала в маршрутке по проспекту.

Маршрутка привезла меня в то самое место, которое было указано на найденной мной карточке.

Я решила, что это – судьба, и вышла на углу Третьей Вознесенской улицы и Масляного переуллка.

Место было малолюдное и депрессивное. В пределах шаговой доступности я увидела две рюмочных, одну закусочную и два круглосуточных продуктовых магазина. Еще я заметила двух изрядно потертых субъектов, которые брели по переулку в противоположную сторону с крейсерской скоростью беременной черепахи. Встретившись, они обменялись безнадежными репликами и побрели дальше.

А я снова оглядела окрестности.

Антикварного магазина не было видно.

Я подумала, что он уже, наверное, закрылся и я зря сюда приехала, однако на всякий случай прошла еще квартал.

И тут увидела на стене дома неприметную, не бросающуюся в глаза табличку:

«Магазин ТРАДИЦИЯ».

К этой надписи была пририсована изогнутая стрелка, указывающая куда-то вправо и вниз.

Я сделала несколько шагов в направлении, указанном стрелкой, и оказалась перед низкой, обитой проржавевшей жестью дверью. Никакой вывески на этой двери не было, однако, приглядевшись, я разглядела нацарапанную на двери плохо различимую надпись:

«ТРАДИЦИЯ – 3 звонка».

Очень хорошо, но куда звонить?

Я еще раз внимательно обследовала дверь и ее окрестности и действительно нашла притаившуюся между двумя кирпичами кнопку.

Нажала на нее три раза.

Внутри двери что-то щелкнуло, и дверь приоткрылась.

Я открыла ее шире, вошла внутрь и оказалась в темной подворотне, слабо освещенной лампочкой в сетчатом наморднике.

Подворотня эта никуда не вела – ее противоположный конец был аккуратно заложен красным кирпичом. Зато впереди, примерно на середине пути к кирпичной стенке, возле прикрепленного к стене щитка стоял мужчина средних лет

в защитных очках и синем брезентовом комбинезоне, на котором крупными белыми буквами было написано странное слово «ПТАХ».

То есть я по работе знала, что так звали одного из древнеегипетских богов, божество земли и плодородия, но с какой стати это имя написано на комбинезоне электрика?

Этот деятель в комбинезоне с samozабвенным видом копался в электрическом щитке. Время от времени оттуда сыпались снопы оранжевых искр.

Я подошла к нему и смущенно спросила:

– Извините, а вы не знаете, где здесь магазин «Традиция»?

Еще не закончив эту фразу, я поняла, что глупо обращаться к электромонтеру с таким вопросом.

Однако монтер оторвался от своей увлекательной работы, поднял на лоб очки и внимательно осмотрел меня. Мне под этим взглядом сделалось как-то неуютно.

– Какой, вы сказали, магазин? – переспросил монтер, на глазах мрачней, и в его голосе прозвучала странная враждебность. – Вы ничего не перепутали?

– Да нет же, – ответила я и показала ему карточку с названием магазина. – Вот, видите – этот самый адрес...

– Ну, так бы сразу! – Его голос стал более приветливым, он снова оглядел меня и спросил: – А кто ваш куратор?

– Что? – переспросила я. – Какой куратор?

Монтер снова начал мрачнеть.

– Бруно Мартинович! – выпалила я под воздействием на-

ития.

– Ага! – Лицо монтера посветлело, на нем даже появилось подобие улыбки. – Хорошо, проходите, наши как раз собираются...

Он снова ткнул отверткой в щиток, оттуда брызнули оранжевые искры, и тут же рядом в стене открылся незаметный прежде проход.

– Осторожнее там, ступеньки крутые! – предупредил меня монтер.

Я шагнула к проходу, но в последний момент задержалась и спросила:

– Извините, а ПТАХ – как это расшифровывается?

– Петербургский транспортный автономный холдинг, – отчеканил он как ни в чем не бывало.

А я шагнула в проход в стене, сама себе удивляясь.

Вот зачем я сюда иду? Явно какое-то сомнительное и опасное место!

Но, с другой стороны, Михаил Филаретович в своем посмертном послании дал понять, что загадку его смерти (и не только) поможет разгадать некий человек, оказавшийся Бруно Мартиновичем Рейхелем, и поиски этого человека привели меня сюда...

За дверью оказались спускающиеся вниз каменные полустертые ступеньки, действительно очень крутые, как и предупреждал меня заботливый монтер.

Едва я начала спускаться по ним, проход за моей спиной

закрылся.

Я оказалась почти в темноте – ее рассеивал только бледный свет единственной лампочки, висевшей далеко внизу.

Так немудрено и ноги переломать! Надо же, специально человека поставили, чтобы предупреждал. Хотя... похоже, что он не электрик вовсе, а охранник при входе. Фейсконтроль, так сказать.

Я снова включила для подсветки свой телефон и начала медленно спускаться.

Наконец спуск закончился, я оказалась в полутемном коридоре, который сразу повернул влево.

Прошла по нему еще немного – и с удивлением поняла, что теперь иду не по подземному туннелю, а по коридору большой коммунальной квартиры, которые еще остались кое-где в старом Петербурге.

По сторонам коридора то и дело попадались двери (я легко убедилась, что все они заперты, хотя из-за одной доносились громкие голоса, а из-за другой – многоголосое церковное пение). Между этими дверями стояли или висели на стенах всякие бесполезные предметы – эмалированные и медные тазы, огромные кастрюли, детские санки, старые разошедшиеся и ломаные деревянные лыжи и тому подобный хлам. Затем мне попался старый трехстворчатый шкаф, наверху которого я заметила горящие зеленые глаза. Кошка, наверное.

Заглядевшись на кошку, я споткнулась о валявшуюся под

ногами детскую игрушку, падая, схватилась за таз... Вот сейчас таз упадет с грохотом, потом санки... в общем, привлеченные шумом, люди выйдут и сразу поймут, что я тут лишняя. Не зря человека перед входом поставили, шифруются. А тут я собственной персоной. Шпионка, в общем. И что они сделают? Убить не убьют, но запросто могут наkostenять.

Но ничего не случилось, поскольку таз упал тихо. И санки повалились бесшумно. Я потрогала таз, он оказался легким, стало быть, вовсе не медный, а из пластика. И санки такие же, и все остальное...

– Кис-кис... – позвала я, подойдя к шкафу.

Зеленые огни не шелохнулись, тогда я сильно стукнула по дверце и едва не взвыла от боли – шкаф как раз был настоящий, дубовый, наверное. Зато сверху свалилась кошка. Как я и подозревала, была она бутафорская, хоть и очень похожа. А в глаза лампочки зеленые вставлены, работают на батарейках.

Да не иначе как Бруно Мартинович тут поработал, не зря он реквизитор. Но к чему такие заморочки? На всякий случай я решила удвоить осторожность.

Я прошла еще немного и увидела очередную дверь. На этот раз она была закрыта неплотно, из-за нее выплескивался бледный свет и приглушенные голоса.

Возле двери на стене была вешалка, плотно завешенная зимними куртками и пальто.

Я тихонько подошла к полуоткрытой двери, заглянула в щелку.

За этой дверью была большая комната, можно даже сказать – зал. В этом зале не было окон (что неудивительно – ведь он находился под землей), но он был ярко освещен большой бронзовой люстрой под потолком и несколькими такими же бра, развешенными по стенам. Стены зала были обшиты темными деревянными панелями. И в этом зале толпились и негромко переговаривались десятка полтора людей разного возраста.

Посреди зала стоял круглый стол красного дерева на ножках в форме львиных лап, на котором лежало несколько старинных манускриптов и свернутых в трубку рукописей или гравюр. Возле этого стола стоял высокий седой человек в старомодном костюме. И галстук тоже старомодный, но красивый – на темном фоне золотые геометрические фигуры. В руке у него был серебряный колокольчик.

Оглядев присутствующих, он встряхнул колокольчик, и в зале сразу же наступила тишина.

– Господа! – заговорил он хорошо поставленным голосом. – Все вы знаете, для чего мы здесь сегодня собрались.

– Лично я понятия не имею! – подал голос лысый толстяк с выпученными глазами. – Я пришел только потому, что по-

лучил экстренное приглашение по обычному каналу, и хотел бы, чтобы вы объяснили причину столь внезапного сбора...

– Позвольте вам не поверить, Глеб Борисович! – перебил его седовласый. – Все мы знаем, что в нашем городе сейчас находится один из важнейших артефактов человеческой истории. Появление этого артефакта, к тому же в такой момент...

– Допустим! – кивнул толстяк. – Но при чем тут...

– Позвольте мне закончить. Думаю, что все также знают, что только что скончался наш коллега и друг...

– Ну и что? – перебил его толстяк. – У него было больное сердце, да и лет ему немало...

– Тем не менее обстоятельства его смерти таковы, что мы непременно должны провести...

Седовласый понизил голос, и я не расслышала конец его фразы. Зато я услышала приближающиеся шаги.

Кто-то шел по коридору с той же стороны, откуда только что пришла я. И шаги были странные – крадущиеся, осторожные и при этом неровные, сбивающиеся.

Какое-то неосознанное и в то же время неприятное чувство заставило меня спрятаться, и я не нашла ничего лучше, как юркнуть за многочисленные пальто на вешалке. А куда еще тут спрятаться...

Там было душно и пыльно, и у меня тут же зачесалось в носу, однако из своего укрытия я могла видеть коридор.

И я увидела, как к двери подошел, заметно прихрамывая,

невысокий бледный человек средних лет с близко посаженными темными глазами, темными, тонкими, словно нарисованными бровями и гладко зализанными черными волосами.

Подойдя к двери, он остановился и достал из кармана круглые серебряные часы. Взглянув на них, он повернул головку завода и к чему-то прислушался.

Прошло не больше минуты, и из зала выскользнула высокая женщина с коротко остриженными темными волосами и неестественно ярко подведенными глазами.

Увидев ее, хромой кивнул и проговорил странным каркающим голосом:

– Вы пригласили меня. Вы знаете правила. Мое время дорого.

– Я знаю, – подтвердила брюнетка. – Для вас есть работа.

– Кто? – сухо осведомился хромой.

– Рейхель.

– Что? – Тонкие брови хромого удивленно поднялись. –

Но вы знаете, что он...

– Разумеется, я все знаю. Но он тоже знает, и знает слишком много. Это может быть опасно. Так что я настаиваю...

– Что ж, вам за это и отвечать. Но имейте в виду – это будет дороже, чем обычно. Значительно дороже.

– Деньги меня не волнуют. Только сделайте все чисто, чтобы не было никаких подозрений.

– Это требует подготовки...

– Времени нет.

– Но тогда...

– Возьмите вот это! – Женщина протянула собеседнику какой-то маленький предмет. Он поднял его к свету – и я разглядела перстень с большим красным камнем.

– Достаточно дотронуться до него камнем, и дело будет сделано. Кстати, будьте осторожны с этим перстнем.

– Так почему бы вам самой не сделать эту работу? – В голосе хромого прозвучала насмешка.

– Я должна быть вне подозрений! – выпалила женщина. – У меня должно быть безупречное алиби!

– Какое же?

– Меня там вообще не будет. Я уйду прямо сейчас. Если, конечно, вы гарантируете...

– Вы меня знаете. Если я берусь за дело, я его делаю.

– Надеюсь! – с этими словами женщина шагнула к вешалке.

Я испуганно застыла и даже перестала дышать. Неужели она заметила меня? Тогда моя песенка спета!

Однако женщина всего лишь сняла с вешалки бежевое пальто, надела его и удалилась прочь по коридору решительной походкой.

А хромой тип, проводив ее взглядом, вошел в комнату.

Я тут же выскользнула из своего укрытия.

Судя по тому, что мне удалось подслушать, этот хромой только что получил задание убить Бруно Мартиновича Рейхеля. Того самого человека, которого я искала. Того самого,

к кому меня направил Михаил Филаретович в своем предсмертном послании.

Я должна этому убийству помешать! Если убийца выполнит свою задачу, то я никогда не узнаю, что же хотел Михаил Филаретович! И попугай Роберт мне никогда не простит смерть своего любимого хозяина! Но как это сделать?

Ладно, зайду внутрь, а там будет видно... – и я проскользнула в зал.

Седовласый господин, видимо, уже закончил свое сообщение и теперь вполголоса разговаривал с пожилой дамой в седых буклях, которая держала на руках маленькую голую собачку с круглыми темными глазами. Все остальные тоже разбились на группы и что-то горячо обсуждали.

Мне нужно было срочно найти среди этих людей Рейхеля и предупредить, что ему грозит опасность...

На какие-то поиски не было времени, и я просто крикнула в пространство:

– Бруно Мартинович!

Все в комнате на мгновение замолчали и повернулись ко мне. Но только один человек обернулся с таким видом, как будто его окликнули – тот самый представительный седовласый господин, который только что произносил речь.

Значит, это и есть Рейхель...

Вообще-то я так и думала.

И тут я заметила, что к нему пробирается тот самый хромо-
мой тип с темными прилизанными волосами, которому зака-

зали его убийство. Я невольно взглянула на его руки и увидела, что на них надеты перчатки из коричневой кожи.

Я бросилась к Бруно Мартиновичу, чтобы опередить убийцу, однако мы подошли к нему почти одновременно.

– Бруно Мартинович! – повторила я взволнованно.

– Простите, мы знакомы? – осведомился тот.

– Вам привет от Роберта!

Я хотела еще что-то добавить, но тут увидела, что убийца снимает перчатку с правой руки.

В ярком свете люстры вспыхнул огненно-красный камень. Я вспомнила слова брюнетки: «Достаточно прикоснуться к нему этим камнем, и все будет кончено...»

Значит, нужно помешать убийце прикоснуться к Рейхелю. Но как это сделать? Особенно учитывая дефицит времени. Еще секунда, и убийца сделает свое дело...

Тут я обратила внимание на собачку, которую держала на руках собеседница Рейхеля. Песик скучал и с явным интересом посматривал по сторонам.

Что, если...

– Извини, дорогой! – прошептала я, и тут же быстрым движением дернула собачонку за хвост и немедленно отступила за спину хромого убийцы.

Собачка истерично взвизгнула и попыталась укусить меня, но, поскольку я спряталась за спиной хромого, собачка укусила его за руку. Он инстинктивно отдернулся, налетев на меня спиной, а я немного отступила и сделала ему подножку.

Хромой явно не ожидал такого. Он потерял равновесие и навзничь грохнулся на пол, при этом правая рука, на которой сверкал смертоносный перстень, неловко подвернулась, и красный камень случайно оказался прижатым к его щеке.

Дама в буклях строго отчитывала своего любимца:

– Джерри, что ты себе позволяешь? За что ты укусил этого человека? Как тебе не стыдно? Ты видишь, что из-за тебя случилось? Человек упал и мог себе что-нибудь повредить...

Песик возмущенно визжал. Он пытался донести до хозяйки, что не он начал конфликт и, вообще, действовал в рамках необходимой самообороны.

Его хозяйка наклонилась над хромым и смущенно проговорила:

– Извините, Джерри прежде так никогда не делал! Вы не ушиблись? Позвольте, я вам помогу!

Хромой хотел ей что-то ответить и уже открыл рот, но вдруг забился в судорогах, на губах у него выступила розовая пена, глаза закатились, и наконец, он застыл, не подавая никаких признаков жизни.

– Господи, что с ним? – ужаснулась дама. – Кажется, ему плохо... Здесь есть врач?

Из толпы к ним подошел мужчина средних лет, наклонился над хромым, взял его за руку, послушал и проговорил безапелляционным голосом:

– Он мертв.

– И что, уже ничего не поделать? – растерялась дама.

– Разумеется! Я же сказал – он умер! Воскрешать мертвых я не умею, и никто пока не умеет. Был один случай две тысячи лет назад, но там все кончилось печально... Во всяком случае, непонятно...

– Но ведь это не могло случиться от укуса Джерри? То есть я имею в виду, не две тысячи лет назад, а сейчас, вот с ним, – дама боязливо указала на тело. – Мой песик совершенно безобидный!

– Вряд ли. Мне не приходилось слышать о собачьем яде. Змеиный яд – это да, но собачий...

Они еще долго препирались, все остальные сгрудились вокруг тела и обсуждали случившееся, а я схватила Рейхеля за локоть и потянула его прочь из комнаты:

– Бруно Мартинович, пойдете отсюда!

– В чем дело? – пробормотал он, вяло сопротивляясь. – Кто вы такая? Что вам нужно?

– В данный момент я просто хочу вас отсюда увести. Ведь этот человек – тот, что лежит на полу, – пришел сюда, чтобы убить вас.

– Меня? Да с чего вы взяли?

– Да уж поверьте мне. К счастью, у него ничего не вышло, он сам попал в собственный капкан...

– Что вы говорите? – Рейхель покосился на труп. – Откуда вы это знаете?

Я хотела как можно скорее уйти отсюда, но Рейхель все еще упирался, и тогда я вкратце рассказала ему, какой раз-

говор подслушала в коридоре возле двери.

– Брюнетка? Короткостриженная? Не помню такую... – Он все еще смотрел недоверчиво. Мне это, в конце концов, надоело.

– Да пойдете же отсюда! Я вам все объясню, когда мы будем в более безопасном месте!

– Но все же, кто вы такая? – не сдавался он. – Я никуда с вами не пойду, пока вы мне это не скажете!

– Я – знакомая Михаила Филаретовича. Это он меня прислал.

– Он? – Рейхель взглянул недоверчиво. – Этого не может быть! Как он мог вас послать? Михаил умер!

– Не умер. Его убили. И если вы будете и дальше упираться – вас тоже могут убить! Только что уже была попытка! – Я пыталась говорить спокойно из последних сил, которые были уже на исходе.

Мелькнула мысль послать все к черту и уйти. Пускай они тут сами разбираются. Я этого Рейхеля предупредила, так что не моя вина, что он упрямый как осел и его могут убить.

Вот вы не поверите, но меня остановила мысль только о попугае Роберте. Я представила, как он будет сидеть один в клетке и ждать хозяина, а тот не придет. А когда кто-то из театра спохватится, то в лучшем случае отнесут попугая в какой-нибудь частный зоопарк, а кто там будет с ним разговаривать?

– И вообще, почему вы от меня все время убегаете? – при-

ступила я к Рейхелю.

– Убегаю?

– Ну да! Я нашла вас в театре, хотела поговорить – а вы тут же скрылись. Или это не вы разговаривали со мной по телефону? Может, попугая своего научили?

– Нет, по телефону Роберт не умеет разговаривать.

– Уже легче! Да пойдемте уже, мы и так столько времени впустую потеряли!

– А как вы меня здесь обнаружили? – не сдавался Рейхель.

Нет, ну я в жизни не встречала такого упертого типа! Я молча показала ему визитку, которую нашла в реквизиторской.

– Ладно, идемте...

Мы вышли из зала в полутемный коридор, и я направилась назад, туда, откуда пришла. Однако когда мы поравнялись с трехстворчатым шкафом (тем самым, на котором горели зеленые кошачьи глаза), Рейхель остановил меня:

– Здесь есть другой выход, более удобный.

Он открыл дверцу шкафа:

– Заходите!

– Только после вас! – ответила я недоверчиво. Еще запрет меня в этом шкафу и снова убежит...

– Ну, как скажете! – Он неодобрительно пожал плечами и первым влез в шкаф.

Я последовала за ним, он закрыл дверцу...

Тут же в шкафу загорелся свет... и я с удивлением поня-

ла, что нахожусь в кабине самого обычного лифта. Под потолком горела люминесцентная лампа, на стене был щиток с кнопками и номерами этажей – от – 2 до + 8.

Рейхель нажал на кнопку первого этажа, и лифт медленно поплыл вверх.

Когда мы доехали до нулевого уровня, лифт остановился, дверцы раскрылись, и вошел озабоченный мужчина в офисном костюме, с наголо выбритой головой.

– Вы вверх? – осведомился он.

– Вверх, вверх! – кивнул Рейхель.

Лифт снова двинулся вверх.

Вскоре он остановился, мы вышли и оказались в коридоре обычного торгового центра. Прямо напротив нас красовалась вывеска ресторана «Капитан Флинт».

Тут я внезапно почувствовала, что ужасно хочу есть. С утра ничего не ела, хотела в магазин зайти за продуктами, а вместо этого вот за этим Рейхелем бегаю по городу.

– Может быть, зайдём сюда? – предложила я, показав на дверь ресторана. – Здесь и поговорим...

– Почему бы и нет? – Бруно Мартинович, как ни странно, не стал спорить и даже оживился.

Мы вошли в ресторан, зал которого был оформлен в морском стиле – стены были завешены рыболовными сетями, тут и там были прикреплены якоря, весла, компасы и какие-то другие морские приборы неизвестного мне назначения. Перед дверью висел портрет капитана Флинта – моряка в на-

рядном мундире и треугольной шляпе, с пистолетами за поясом и подзорной трубой в руке.

– Попугая только не хватает, – хмыкнула я.

– Угу, – хитро улыбнулся Рейхель, и я кое-что поняла.

– Неужели Роберт... Вы его утащили отсюда?

– Да что вы! – Он даже обиделся. – За кого вы меня принимаете? Просто он сидел тут в клетке. С одной стороны – сквозняк, с другой – из кухни едой пахнет, посетители опять же пристают. В общем, он начал чахнуть и терять перья. Откровенно говоря, стал похож на ошипанного петуха, что, конечно, не являлось рекламой для ресторана. Вот мне его и отдали...

К нам подошла девушка-метрдотель в тельняшке и бандане в черепахе и скрещенных костях, сердечно поздоровалась с моим спутником и спросила, хотим ли мы каюту или место на палубе.

– Каюту! – не задумываясь, сказал Рейхель, и морячка отвела нас в отдельный кабинет, действительно похожий на корабельную каюту – с круглыми иллюминаторами в стенах, привинченными к полу скамьями и всевозможной морской символикой.

– Здесь нам будет удобнее разговаривать, – сказал Рейхель, едва метрдотель удалилась, оставив нам меню, оформленное как потрепанная пиратская карта. – Итак, кто же вы такая и откуда знаете покойного Михаила Филаретовича?

– Сейчас, только сделаем заказ...

В этом меню все блюда назывались в той же морской, точнее, пиратской стилистике.

Я выбрала закуску «Секрет одноногого боцмана», фаршированную грибами камбалу «Сундук мертвеца» и коктейль «Радость капитана Флинта».

Обслужили нас очень быстро. Я немного утолила голод и приступила к рассказу.

Для начала я вкратце рассказала Рейхелю, как познакомилась с Филаретычем, и как работала под его руководством в музее, и как узнала о его смерти... Не стала только рассказывать, что вытащила из его телефона карту памяти и узнала номер, по которому он разговаривал перед самой смертью.

– А как вы узнали обо мне?

Я продолжила свой рассказ – и поведала Бруно Мартинovichу, как, редактируя последнюю статью Михаила Филаретовича, удивилась многочисленным ошибкам и догадалась, что в этих ошибках зашифровано какое-то послание. И как расшифровала это послание, а затем увидела афишу спектакля «Принцесса Вампука», и нашла на этой афише фамилию Рейхеля...

– Ну, дальнейшее вы уже знаете. И теперь ваша очередь...

– Моя? – переспросил собеседник.

– Ну да, ведь Михаил Филаретович сообщил в своем посмертном послании, что именно вы поможете мне разобраться в происходящем. Так что я на вас надеюсь...

Рейхель молчал, и тогда, чтобы поторопить его, я сказала:

– Ну, для начала хотя бы расскажите, что это было за таинственное сборище, с которого я вас увела.

– Ах это... – Он был явно смущен. – Ну, вообще-то там собирались участники масонской ложи.

– Что, серьезно? Я думала, масоны были в нашей стране только до революции.

– Нет, конечно. Другое дело, что до революции масоны были очень влиятельны, а при советской власти немногие уцелевшие скрывали как могли свою связь с масонством. Но на самом деле наше движение никогда не прекращалось.

– И вы в нем занимаете высокое положение?

– Ну, так получилось потому, что я – прямой потомок основателя большей части российских лож.

– Да, я слышала о немецком вельможе, который принес в Россию один из двух основных масонских уставов.

– Да, это был мой далекий предок, – скромно признался Бруно Мартинович.

И уже набрал воздуха, чтобы разразиться краткой лекцией о русском масонстве. Ну, это надолго и не входит в мои планы.

– Все же скажите, что мог иметь в виду Михаил Филаретович, когда написал в своем зашифрованном сообщении, что вы поможете мне разобраться с одним из экспонатов выставки? – быстро перебила его я.

– Задам вам встречный вопрос, – не растерялся он. – Что вообще это за выставка?

– У нас в музее открывается выставка археологических находок из коллекции частного музея в Лондоне. Среди них – ритуальный жезл, предположительно принадлежавший фараону Эхнатону. Если судить по номеру экспоната, именно его имел в виду Михаил Филаретович.

– Ага... тогда, кажется, я понимаю, о чем писал мой старый друг... позвольте, я задам еще один вопрос.

– Если это поможет разобраться... – нехотя сказала я.

Что это такое: одни вопросы и пока никаких ответов...

– Как зовут владельца того частного музея, из которого прибыли экспонаты?

– Этот музей принадлежал лорду Блэкуотеру. Кажется, сам основатель музея не так давно умер, и музей вместе с другим имуществом перешел к его племяннику, мистеру Кессиди...

– Ага, тогда многое становится ясным...

Рейхель откинулся на спинку стула и заговорил с лекторской интонацией:

– Эхнатон – это фараон-реформатор, который, несмотря на сопротивление жрецов, отменил культы большинства египетских богов и вместо них ввел культ единого божества, бога солнца Атона...

Кажется, Бруно Мартинович забыл, что я работаю в музее и знаю все это лучше его. И про Эхнатона, и про его реформу, и про сопротивление жрецов. Но я не стала его перебивать – может, скажет что-то полезное. И он таки сказал.

– Фактически Эхнатон был основателем первой в истории монотеистической религии, возникшей задолго до христианства и тем более ислама. Кроме того, масоны тоже считают его своим предшественником, недаром среди масонских символов многие восходят к Египту и конкретно к культу Атона. Кстати, упомянутый вами лорд Блэкуотер, основатель частного музея, был видным масоном, имел высокий ранг в одной из лондонских лож. А ритуальный жезл Эхнатона всегда имел в масонской традиции очень большое значение. Ходили даже версии, что этот жезл был фактически...

Закончить эту фразу Рейхель не успел, потому что в этот самый момент в наш кабинет заглянула официантка.

– Вам уже можно подавать десерт?

Надо же, за разговором мы незаметно съели все, что нам принесли. То есть это я съела, а мой спутник был не так проворен.

– Да, пожалуйста... – кивнул Рейхель, – и еще кофе... мне двойной эспрессо, а вам?

– Мне тоже эспрессо.

Официантка удалилась.

Я выжидающе взглянула на собеседника, но он снова не успел договорить, потому что удивительно быстро вернулась официантка с подносом.

– Вот, пожалуйста... – проговорила она, составляя на стол тарелки и чашки.

Что-то в ее голосе показалось мне странным. Я искоса

взглянула на нее.

Это была не та официантка, которая обслуживала нас до сих пор, не та, которая только что приняла заказ на кофе. Как и первая, она была одета в тельняшку, но тельняшка была ей явно мала. Волосы прикрывала ярко-красная шелковая бандана. И эта официантка была заметно старше первой. Кроме того, один ее глаз был закрыт черной пиратской повязкой, но вот второй глаз...

Второй глаз был неестественно ярким, слишком сильно покрашенным. Где-то я уже видела этот ярко покрашенный глаз... где-то видела эту женщину...

Официантка развернулась и вышла из кабинета.

И когда я увидела ее со спины – я вспомнила, где видела ее.

Я видела эту женщину в подвале, это она разговаривала в коридоре с хромым убийцей. После этого разговора она быстро ушла прочь, и я запомнила ее осанку, ее походку...

Это точно была она!

Она изменила внешность – закрыла банданой свои очень заметные черные, коротко стриженные волосы, надела повязку на один глаз, но я ее все же узнала.

Рейхель потянулся за маленькой чашечкой кофе, но я прошипела сквозь зубы:

- Не пейте кофе! И ни в коем случае не ешьте десерт!
- Но я хочу кофе... что, он так плох?
- Он отравлен!

Рейхель испуганно отдернул руку от чашки и удивленно взглянул на меня:

– Вы это серьезно?

– Более чем.

– Но почему вы в этом уверены? До сих пор вы ели спокойно, ничего не боясь...

– Официантка! – прошептала я, покосившись на выход. – Раньше нас обслуживала другая.

– Ну, мало ли... может, той пришлось срочно отойти или она обслуживает другой столик...

– Да нет, я ее узнала! Это именно она разговаривала с наемным убийцей в том подземном коридоре. Она узнала, что он провалил операцию, и решила сама довести дело до конца. Вот только непонятно, как она нас выследила...

– Действительно, как? – недоверчиво проговорил Рейхель.

– Об этом мы подумаем позже, а сейчас нам нужно отсюда уходить, и как можно быстрее!

Рейхель положил на стол деньги и хотел уже встать.

И тут я боковым зрением заметила какое-то странное движение на стене кабинета. Я скосила глаза, стараясь не выдать свое волнение, и увидела, что в середине висевшего на этой стене старинного барометра сдвинулась медная пластинка, и на ее месте открылось маленькое круглое окошечко.

И в этом окошечке что-то мелькнуло...

Вглядевшись, я поняла, что через это окошко выглядыва-

ет яркий, сильно накрашенный женский глаз – глаз той подозрительной официантки, глаз брюнетки из подземного коридора...

Глаз быстро осмотрел помещение и скрылся, а на его месте появился ствол пистолета. Или револьвера – я не очень четко знаю, чем они отличаются.

Я толкнула Рейхеля. Он едва не упал на пол, вцепившись в стол, и удивленно воскликнул:

– В чем дело? Что с вами?

И в то же мгновение послышался негромкий хлопок, как будто кто-то откупорил бутылку вина, и кофейная чашка, стоявшая перед Рейхелем, разлетелась на куски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.